

ВСЕЛЕННАЯ ФАНТАСТИКИ

ТАНКИ

МЮРРЕЙ ЛЕЙНСТЕР,
ХАРЛ ВИНСЕНТ
И ДРУГИЕ

Отис Клайн

Танки

«Автор»

2026

Клайн О.

Танки / О. Клайн — «Автор», 2026

«Танки» — сборник классической научной фантастики эпохи, когда будущее казалось бескрайним полем для самых смелых идей. Здесь гигантские боевые машины вступают в сражение в непроглядном тумане, учёные сталкиваются с загадками, способными перевернуть привычные представления о мире, а человечество впервые делает шаг навстречу разумным обитателям далёких миров. Космические экспедиции, невероятные изобретения, невидимая смерть, путешествия во времени и иные измерения — каждое произведение открывает новую грань фантастического воображения. Мюррей Лейнстер, Харл Винсент и другие авторы ведут читателя туда, где научная гипотеза превращается в приключение, а невозможное становится лишь началом пути. «Танки» — путешествие в будущее, каким его представляли писатели начала золотого века фантастики.

© Клайн О., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Призраки реальности	5
Глава 1. Уолл–стрит или вольные дороги?	6
Глава 2. Вызов неведомого	9
Глава 3. В неизведанное	11
Глава 4. "Хоуп, я здесь..."	15
Глава 5. Заговор	17
Глава 6. Приспешник короля	21
Глава 7. Багряная убийца	24
Глава 8. "Да это же измена!"	26
Глава 9. "Александр..."	31
Глава 10. Моя роль	35
Глава 11. Схватка на балконе башни	38
Глава 12. Одна бурная ночь	41
Похищенный разум	42
Возмездие	58
Танки	66
Конец ознакомительного фрагмента.	71

**Харл Винсент, Джим Ванны, Юджин
Джордж Кей, Альберт Купер Уэбб,
Лилит Лоррейн, Капитан С. П. Мик,
Отис Клайн, Энтони Пелчер, Мюррей
Лейнстер, Сирил В. Тенч, Милтон Л.
Стейли, Эдмонд Гамильтон, Рэй Каммингс
Танки**

Призраки реальности

Рэй Каммингс

Глава 1. Уолл-стрит или вольные дороги?

Когда мне было лет пятнадцать, я как-то обронил:

– Да это же невозможно!

Мой собеседник, человек науки, мягко ответил:

– Мой мальчик, когда ты подрастешь и наберешься ума, ты поймешь: невозможного нет.

Эти слова почему-то запали мне в душу. И в нашем стремительном, удивительном мире я не раз убеждался в их правоте. Когда-то невозможным казалось узнать, что таится за бескрайними, неведомыми водами Атлантики. Люди верили, будто небесный свод вращается вокруг Земли – да и как могло быть иначе, если они видели это собственными глазами? Считалось немыслимым, чтобы нечто живое было настолько крошечным, что его нельзя разглядеть. Но микроскоп доказал обратное. Или взять человеческий голос: передать его дальше, чем он способен долететь сам по себе, казалось чудом, пока не появился телефон и не показал, как просто и легко это делается.

Я так и не забыл слов того доктора. А лет десять спустя их повторил мой друг, капитан Дерек Мейсон, в ту памятную июньскую ночь двадцать девятого года.

Зовут меня Чарльз Уилсон. В том июне двадцать девятого мне исполнилось двадцать пять лет. Почти всю сознательную жизнь я провел в Нью-Йорке, но ни родни, ни близких друзей здесь так и не завел.

С капитаном Мейсоном мы дружили уже несколько лет. Он, как и я, казался одиночкой, идущим по жизни особняком. Это был английский джентльмен лет тридцати. Насколько я знал, раньше он служил на Бермудах, хотя сам заговаривал на эту тему редко.

Мне всегда казалось, что более привлекательного мужчины я в жизни не встречал. Настоящий английский аристократ: стройный, высокий, темноволосый, чуть щеголеватый, с военной выправкой. Он носил аккуратные черные усы. Обаятельный, элегантный, с легкими, непринужденными манерами – вылитый д'Артаньян наших дней. Очутись он в былые, менее цивилизованные времена, он, без сомнения, виртуозно владел бы шпагой и тростью. Он был из тех мужчин, что покоряют женские сердца одним лишь взглядом. В моих глазах он всегда оставался фигурой романтической, чему немало способствовал окутывавший его флер тайны.

Наша дружба завязалась, должно быть, оттого, что мы были полными противоположностями. Я – американец среднего роста и самого обычного сложения, румяный, рыжеватый. Дерек же следил за своим гардеробом и щегольскими мундирами с дотошностью записного денди, истинного Красавчика Браммела. Я же к одежде, да и к собственной речи, относился совершенно беспечно.

Мы не виделись больше месяца, когда в один из июньских дней я получил от него короткую записку. И тем же вечером, в восемь часов, отправился к нему. Даже в его жилье чувствовалось что-то загадочное. Он занимал квартиру в респектабельном доме для холостяков неподалеку от южной части Пятой авеню, на самой границе Гринвич-Виллидж, и жил там один, если не считать слуги.

Все это, конечно, вполне объяснимо, но в самом доме Дерек облюбовал квартиру на первом этаже, которая примыкала к подвалу. Вообще-то она предназначалась для смотрителя, но Дерек снял ее и обставил с роскошью. А рядом, в углу подвала, отгородил досками просторный угол. Насколько я понимал, там находилась химическая лаборатория. Он никогда не заговаривал о ней, да и меня внутрь не приглашал. Странно, загадочно, а уж то, что капитан британской армии увлекается научными изысканиями, выглядело и вовсе диковинно. И все же я не сомневался, что последний год или два Дерек проводил какие-то физико-химические опыты. Несмотря на все свои гусарские повадки, он обладал точным, аналитическим умом истинного ученого.

Помню, когда я читал те несколько строк в записке, в которой он приглашал меня в гости, у меня появилось смутное предчувствие, что это начало чего-то необычайного. Будто передо мной приоткрывались врата великой тайны.

Невозможного нет! И все же я берусь за описание событий, в которые оказался вовлечен тем июньским вечером не по собственной воле. Я не рассчитываю на слепую веру читателя. Будь на дворе двухтысячный год, мой рассказ показался бы пресным. Но для тысяча девятьсот двадцать девятого это чистой воды фантастика. Что ж, пусть так. Сегодняшняя фантастика – завтрашняя непреложная истина. А послезавтра – всего лишь прописная истина. Наш мир летит вперед слишком быстро.

Дерек встретил меня в гостиной. Дверь он открыл сам и обмолвился, что отпустил слугу. Комната была небольшой: обтянутые кожей глубокие кресла, ковры на паркете, строгие коричневые портьеры на окнах и в дверях. Единственным источником света была настольная лампа под абажуром из темного пергамента. Ее мягкий свет падал на сухопарую, изящную фигуру Дерек, когда он опустился в кресло и достал сигареты.

– Чарли, надо поговорить, – сказал он. – Мне нужно кое-что рассказать тебе... и кое-что предложить.

Он протянул мне зажигалку, и, прикуривая от крошечного синего язычка спиртового пламени, я заметил, что у него дрожат пальцы.

– Погоди, я не совсем понимаю, к чему ты клонишь, – возразил я.

– Я к тому, – парировал он, – что тебе, должно быть, до смерти надоело киснуть в клерках в брокерской конторе. Надоела эта унылая повседневность, которую мы зовем цивилизацией. Надоел Уолл-стрит.

– Твоя правда, Дерек. Видит бог, до чертиков надоело.

Он не сводил с меня глаз. На губах блуждала лукавая улыбка, да и тон казался полушутливым. И все же в тлеющей глубине его блестящих темных глаз я читал предельную серьезность, которая шла вразрез с его улыбкой и напускным легкомыслием.

Он перебил меня:

– И я предлагаю тебе шанс на великие подвиги. Романтику опасности, возможность бросить вызов злу ради торжества добра, а заодно обрести власть, богатство... и, быть может, прекрасную даму.

– Дерек, ты говоришь как средневековый авантюрист.

Я думал, он рассмеется, но лицо его вдруг сделалось серьезным.

– Я предлагаю тебе стать верным оруженосцем короля, Чарли.

– Короля чего? И где же этот король?

Он картинно развел тонкими смуглыми руками и пожал плечами:

– Да какая разница? Если ты ищешь приключений, ты их найдешь – где-нибудь. Если тебя манит романтика – она сама тебя отыщет.

– Оруженосцем короля? – переспросил я.

Но он даже не улыбнулся:

– Именно. Если бы этим королем был я. Я говорю совершенно серьезно. Абсолютно. Во всем этом мире нет ни единой души, которой было бы до меня хоть какое-то дело. Не в этом мире, а...

Он осекся и продолжил:

– Но ведь и у тебя так же. Никакой родни?

– Никого, кто бы обо мне вспоминал.

– И дамы сердца нет? Или все-таки есть?

– Нет, – улыбнулся я. – Пока нет. А может, и не будет никогда.

– Но, может быть, ты слишком дорожишь своей Уолл-стрит, чтобы променять ее на вольные дороги? – В его голосе зазвучал сарказм. – Или ты боишься отважных деяний? Неужели

тебе не хочется исправить великую несправедливость? Спасти угнетенный народ, свергнуть тиранию злобного монарха и возвести на трон своего друга вместе с его возлюбленной? Или тебе милее завтра утром привычно спуститься в метро и покатить на службу? Или ты трусишь, что на пути в королевские оруженосцы тебя ненароком прихлопнут?

Я ответил ему тем же язвительным тоном:

– Ну, давай, выкладывай, Дерек.

Глава 2. Вызов неведомого

Невероятно! Невозможно! Вслух я этого не произнес, хотя на лице моем, без сомнения, все было написано.

Дерек тихо проговорил:

– Трудно поверить, Чарли? Да, согласен. Но это чистейшая правда. Девушка, которую я люблю, не из нашего мира, и все же она существует. Я видел ее, говорил с ней. Утонченная, хрупкая... и до чего же красивая...

Он сидел, уставившись в пустоту.

– И здесь нет ничего сверхъестественного, Чарли. Только темные дикари в прошлом называли сверхъестественным все неведомое и необычное. Мы-то теперь куда как умнее.

– А эта девушка... – начал было я.

Он отмахнулся:

– Как я уже говорил, я годами работал над теорией о том, что в одном пространстве с нами сосуществует другой мир. Четвертое измерение – зови его так, если угодно. Я нашел его и доказал его существование! И эта девушка – ее зовут Хоуп – живет там. Хочешь, я расскажу тебе о ней и ее народе?

Сердце колотилось так, что дыхание перехватило.

– Да, Дерек, расскажи.

– Она живет здесь, в том самом пространстве, которое мы зовем Нью-Йорком. Она и ее соплеменники занимают его одновременно с нами. Иной мир, сопричастующий с нашим прямо сейчас! Невидимый для нас, как и мы невидимы для них. Это другая форма материи, Чарли. Для обитателей того царства она столь же осязаема, сколь наш мир – для нас. И живут там такие же люди.

Он замолчал. Я не нашелся что ответить, и секунду спустя он продолжил:

– Мир Хоуп, существующий бок о бок с нашим, зависит от него. Они говорят на языке, который мы называем английским. Они – наши тени.

– Призраки реальности, – пробормотал я.

– Именно. Мир, удивительно похожий на наш. Но первобытный в том, в чём наш цивилизован.

Он снова умолк, глядя куда-то мимо меня, словно его взор проникал сквозь стены подвала в беспредельные глубины неведомого. Каким же странным человеком был Дерек Мейсон! Удивительная смесь трезвого прагматизма ученого и пылкого воображения мечтателя. Впрочем, не в этом ли и кроется суть науки? Ни один влюбленный романтик, вздыхающий на луну, не носит в душе столько поэзии и не видит в озаренных лунным светом глазах любимой больше таинства, чем ученый находит в чудесах своей лаборатории.

Дерек медленно продолжал:

– Первобытный мир, первобытный народ, первобытные страсти! Сейчас мне кажется – нет, я точно знаю, Чарли, – что мир Хоуп – это слепок с нашего мира, но обнаженный до дикости. Словно это неприкрытая душа современного Нью-Йорка; мы сами, какими являемся на деле, а не какими пытаемся казаться.

Он очнулся от своих грез.

– Народом Хоуп правит король. Или император, если угодно. Монарх, погрязший в роскоши, праздности, вине и разврате. Его окружает знать – праздная аристократия, которая по праву рождения мнит себя сделанной из более благородной глины, нежели простые смертные. Их зовут "багряными вельможами". Они щеголяют в багряных плащах, а их красавицы – чувственные, безумные в своей страсти женщины – укутываются в алые покрывала и шелка.

– Есть там и рабочие – они называют себя тружениками. Угнетенный, забитый люд, в чьих душах зреет глухая ненависть к знати и королю. Нечто подобное творилось когда-то во Франции, и дело кончилось кровавой революцией. То же самое происходит там прямо сейчас. Хоуп родилась среди тружеников, но благодаря грации и красоте сумела занять место при дворе этого беспутного монарха.

Он вскочил с кресла и принялся мерить шагами комнату. Я молча смотрел на него. Какое безумие! Невозможно? Нет, с языка это слово не шло. Я мог сказать лишь одно: лично для меня это просто невероятно. И, поймав себя на этой мысли, я понял: то, что казалось мне невероятным, было лишь мерой моего собственного ограниченного ума, моей дремучести. Великое неведомое природы столь необъятно, что всё, кажущееся мне реальным и понятным, – лишь капля в океане непостижимого бытия.

– Неужели ты еще не понял? – горячо воскликнул Дерек. – Я говорю не о сказках. Это суровая реальность! Я нашел способ перенести себя – и тебя – в это иное состояние материи, в этот другой мир! Я уже проверил его. Пару ночей назад я побывал там, правда, совсем недолго.

У меня бешено застучало сердце. Он же продолжал:

– Там царит хаос. Назревает революция, которая в любой момент – быть может, прямо сегодня ночью – вспыхнет пожаром и сметет эту распутную правящую клику. – Он горько усмехнулся. – В мире Хоуп рабочие – люди темные, суеверные. Словно мексиканские пеоны, они созрели и готовы пойти за любым вожаком, который объявит себя лидером. Это мой шанс... наш шанс...

Он вдруг замер прямо передо мной.

– Неужели тебя это совершенно не манит? Вольные дороги! "Дорога ложится прямо, и Красные Боги зовут меня!" Я отправляюсь, Чарли. Прямо сегодня ночью. И хочу, чтобы ты пошел со мной. Пойдешь?

Пойду ли я? Этот вопрос вырос предо мной грозной, осязаемой тенью. Пойду ли?

И вдруг перед моим мысленным взором возникло девичье лицо. Бледное, тревожное. Почти умоляющее. Прекрасное лицо с приоткрытыми алыми губами, обрамленное волной длинных, светло-золотых волос. И огромные, широко распахнутые голубые глаза – тоскующие, подернутые туманным звездным светом, взывающие о помощи.

"Да это же чистое безумие!" – подумал я. Разумеется, глазами я ничего не видел. В комнате не было ни души, кроме Дерека. Я прекрасно это понимал. Тени вокруг нас были пусты. Я лишь соткал этот облик из слов друга, силой воображения оживив то, чего не существовало наяву.

И все же я знал, что там, в ином измерении, к которому сейчас протянулась нить моих мыслей, эта девушка живет на самом деле. Сделать ли шаг в неведомое?

Зов неведомого. Брошенная мне перчатка вызова – точь-в-точь как та, что принимали мореплаватели древности. Они поднимались на зыбкие палубы своих хрупких каравелл со словами: "Что ж, поплывем и поглядим, что таится там, за краем света".

Этот соблазн завладел и мной. И тут я услышал свой собственный голос:

– Знаешь... пожалуй, я пойду с тобой, Дерек.

Глава 3. В неизведанное

Мы стояли в каморке, служившей Дереку лабораторией. Приготовления были нехитрыми – Дерек обо всем позаботился заранее, так что нам почти ничего не оставалось делать. Лаборатория представляла собой крошечную комнатку с дощатыми стенами, полом и потолком – без окон, с единственной дверью, ведущей в подвал доходного дома.

Войдя, Дерек запер за нами дверь на замок.

– Я отослал слугу на неделю, – сказал он. – А жильцы уверены, что я уехал в отпуск. Нас никто не хватится, Чарли – во всяком случае, в ближайшее время.

Меня и подавно некому было искать, кроме хозяев конторы, но для них мое исчезновение едва ли станет большой потерей.

Перед уходом мы погасили свет в квартире Дерек и тщательно заперли ее за собой. Это путешествие!.. Признаться, я дрожал от страха. И все же внутри росло странное, нетерпеливое предвкушение.

Подвальная комнатка была обставлена не без уюта, пол устлала ковра. Научные приборы, которые когда-то здесь находились, Дерек уже убрал, но следы его многолетних поисков великой тайны, которую он теперь собирался открыть, были повсюду. Ряд деревянных полок у стены выдавал места, где раньше теснились склянки и химическая утварь. В углу сиротливо пылился ящик с электроинструментами и обрезками проводов. Имелся здесь и бак с проточной водой, и газовые выводы – очевидно, раньше тут горели бунзеновские горелки.

Дерек достал свои приборы. Я опустился на низенькую кушетку у стены и стал наблюдать за тем, как он раздевается. На талии он закрепил широкий плоский пояс из металлической сетки. Посредине, прямо на поясице, крепилась небольшая плоская коробочка толщиной всего в четверть дюйма, изогнутая точно по форме тела – аккумулятор вырабатываемого им вибрационного тока. От аккумулятора вдоль спины тянулись тончайшие проводки к плотно прилегающему к горлу металлическому ожерелью. Другие провода спускались по рукам к запястьям и по ногам к лодыжкам. На макушку он надел плоский электрод, похожий на шлем. Глядя на него, я невольно вспомнил анатомические плакаты с кровеносной системой человека. Но едва он оделся, натянув свой щегольской капитанский мундир, как от всех этих приспособлений остались видны лишь плотно прижатый к голове электрод да свисающие сзади тонкие проводки – только они и выдавали, что с моим другом творится нечто неладное.

– Ну чего ты так вылупился? – с улыбкой спросил он.

Я взял себя в руки. Теперь, когда дело дошло до практики, мне стало по-настоящему жутко. Дерек вкратце объяснил мне принцип работы своего устройства. В маленьком аккумуляторе накапливался особый вибрационный электронный ток, которому он еще не придумал названия. Дерек сказал:

– В этом нет ничего непостижимого, Чарли. Мы просто меняем частоту колебаний первоосновы, из которой состоят наши тела. Вибрация – вот что определяет любое состояние материи. В своей основе то, что мы зовем веществом, абсолютно неосознано. Это уже доказано наукой. Вихрь! Воронка из ничего! Именно она порождает протозвещество – единственный материал во Вселенной. А уже из него путем вибраций строится сложнейшая структура вещей, какими мы их видим и осязаем, и все это зависит исключительно от частоты колебаний. Стоит ее изменить, и изменится абсолютно все. От тончайшего газа до жидкостей и твердых тел – во всем многообразии состояний материи единственным принципиальным различием остается лишь частота вибраций.

Суть его объяснений я уловил: когда этот пойманный и подчиненный им электронный ток пронизывает наше физическое тело, меняется частота колебаний каждой, даже самой ничтожной его частицы. О, как мало из великого спектра природных явлений доступно нашим органам

чувств! Наш глаз различает цвета лишь от красного до фиолетового. Но за красной полосой радуги лежит целый невидимый мир! Физики называют его инфракрасным. А за фиолетовой – другая область, ультрафиолетовая. То же самое и со звуками: диапазон нашего слуха ничтожно мал. Существуют звуки слишком низких частот, которые мы не способны уловить, и слишком высоких. Все, что мы воспринимаем в нашем физическом мире – от тончайшего газа до самого твердого тела, – обусловлено лишь разницей в частоте колебаний. И как же это мало по сравнению с целым! Тот иной мир, куда мы держали путь, лежал в более высоком, стремительном спектре вибраций. Для нас он был миром более эфемерным, царством теней.

Я слушал Дерека, но мысли мои были заняты тем, что ждало нас впереди. Так первопроходец, стоя на палубе своего корабля, может безучастно смотреть, как матросы крепят паруса и поднимают якорь, пока его разум уносится к цели плавания...

Вскоре мы закончили последние приготовления. Дерек остался в своем щегольском мундире, я – в обычном деловом костюме. Нас должно было окутать магнитное поле, так что при переходе ток действовал и на все вещи, находившиеся в тесном соприкосновении с нашими телами.

– Я пойду первым, Чарли, – сказал Дерек.

– Но, Дерек... – Страх, куда более сильный, чем прежняя дрожь, ледяной хваткой сжал мне горло. Остаться здесь одному, без единой живой души, на которую можно положиться!

Он говорил с подчеркнутой будничностью, но его глаза горели лихорадочным блеском.

– Просто сиди и смотри. Когда я исчезну, пусти ток, как я тебя учил, и следуй за мной. Я буду ждать тебя.

– Где? – пролепетал я.

Он слабо улыбнулся:

– Здесь. Прямо тут. Я никуда не уйду, даже с места не сдвинусь. Буду лежать на этой кушетке и ждать тебя.

Леденящие душу слова! Он опустил кушетку, подогнув ее короткие ножки так, чтобы рама легла прямо на дощатый пол. Придвинул стул и усадил меня, а сам лег на кушетку.

– Ах да, чуть не забыл, – добавил он. – Перед самым запуском погаси свет. Кто знает, когда мы вернемся.

Жуткие слова!

Его правая рука легла на левое запястье, где прятался крошечный переключатель. Он снова улыбнулся:

– Ну, удачи нам, Чарли!

Удачи нам!.. Вольные дороги, великое неведомое!

Я сидел не шевелясь, впившись в него глазами. Он лежал, полускрытый тенью. В комнате воцарилась мертвая тишина. Дерек приподнялся, опершись на локоть, и щелкнул крошечным тумблером.

На мгновение у меня перехватило дыхание. Лицо Дерека застыло и побледнело, хотя мое собственное, уверен, было ничуть не румянее. Он не сводил с меня глаз. Вдруг его тело мелко задрожало, по нему пробежала судорога.

– Дерек... – пробормотал я.

Он тут же отозвался, желая меня успокоить:

– Все в порядке, Чарли. Это просто первая волна.

В комнате послышалась едва уловимая вибрация, похожая на рокот далекого генератора. Ток уже струился по телу Дерека, его ноги судорожно дернулись.

Секунда – и этот тихий гул усилился. Он не стал громче, но частота его возросла невероятно. Тонкий свист, воздушное жужжание, нежное, точно трепет крылышек колибри. Он поднимался все выше по шкале частот, перерастая в ультразвуковой писк, пока наконец не превратился в тончайший, микроскопический визг.

Но с самим Дерексом ничего видимого не происходило. Разве что мундир начал слабо светиться. Его лицо расслабилось, он улыбался, но молчал. Взгляд его блуждал, словно теперь Дерек видел то, что оставалось невидимым для меня.

Еще мгновение. Никаких перемен.

Да нет же, что это? Я заморгал, судорожно глотнул воздух. Перемены начались! Я во все глаза смотрел на его бледное лицо. Побледневшее? Да оно уже было не просто бледным – кожа его отливала серебристым гляncем!

Едва ли прошла минута, а его лицо уже светилось и мерцало. Оно становилось прозрачным, истончалось, теряло плоть! Опустив локоть, Дерек вытянулся на кушетке у моих ног. Глаза его были широко распахнуты.

И вдруг я с ужасом осознал, что черты его лица стерлись, растаяли! Передо мной на кушетке лежала лишь колышущаяся призрачная фигура. Теперь я видел сквозь нее! Сквозь зыбкие, размытые очертания тела проступали плотные складки покрывала кушетки. Передо мной лежал фантом Дерекса. Призрак – угасающий, тающий!

Воздушный, невесомый, неосязаемый силуэт.

Я вскочил на ноги, потрясенно глядя на него сверху вниз.

– Дерек!

Силуэт оставался неподвижен. С каждой секундой он становился все более туманным, нереальным.

"Он исчез!" – пронеслось у меня в голове.

Нет, он все еще был здесь. Белесое облачко его очертаний на кушетке. Оно плавилось, рассеивалось в лучах света, точно утренний туман под солнцем. Последний клочок, похожий на легкое облачко пара от дыхания, – и не осталось ничего.

Я опустился на кушетку и выключил свет. Комната погрузилась во тьму. Пальцы нащупали маленький переключатель на запястье. Я сдвинул его по крошечной дуге.

Первый толчок был слабым, но до бесконечности странным. По всему телу пробежала дрожь, мышцы судорожно сократились. Голова пошла кругом, к горлу подкатила тошнота, меня охватило головокружение и жуткое чувство падения в бездну. Я распластался на кушетке, изо всех сил стараясь удержаться. Ток запел свою тонкую песню, его частота росла. Теперь я физически ощущал это – мелкая, частая вибрация проникала в самую мою плоть.

Мгновение спустя я понял, что все мое тело трепещет. Вибрация тока передавалась каждой мельчайшей клетке моего организма. Описать это покалывание и дрожь внутри меня было невозможно. Поначалу это пугало, вызывало дурноту. Но тошнота отступила, и вскоре ощущения стали даже приятными.

Я ничего не видел. Тьма стояла крошечная. Лежа на боку, я всматривался в окружающий мрак. До меня еще доносилось жужжание тока, но вскоре и оно затихло. Внезапно я почувствовал необычайную легкость: тело мое будто потеряло вес и больше не давило на кушетку с прежней силой.

Я ущипнул себя за руку – нет, я был таким же плотным и осязаемым, как обычно. Я потрогал кушетку. Оказалось, менялась она, а не я! Покрывало под моими пальцами странным образом таяло, ускользало.

Ощущение собственной легкости нарастало. Это была легкость свободы – казалось, с меня спадают невидимые оковы и цепи, которые сковывали меня всю сознательную жизнь. Неистовая, небывалая свобода.

Где же Дерекс? Добрался ли я до иного мира? Здесь ли он? Я совершенно потерял счет времени: прошла минута или две, не больше.

Или я все еще в лаборатории? Тьма вокруг оставалась столь же плотной и непроницаемой. Хотя нет, не совсем! Теперь я кое-что различал. Вокруг проступили светящиеся, туман-

ные очертания. Но это был не новый, неизведанный мир, а по-прежнему комната Дерека. Призрачная, спектральная комната, смутно озаренная каким-то внешним светом.

Я лежал в растерянности, на время позабыв о собственном положении. Свет струился сверху, из жилых этажей дома. Я вгляделся. Передо мной простиралась туманная даль, а сквозь нее смутно проступали зыбкие контуры этажей над моей головой. Призрачный мир, который я только что покинул, теперь обнажился до основания. На мгновение мне показалось, что в отдалении я вижу призрачную городскую улицу. Тени великого мегаполиса окружали меня; они вспыхнули слабым свечением и растаяли.

Чья-то рука крепко и вполне осязаемо сжала мое предплечье. Раздался голос Дерека:

– Ты в порядке?

– Да... – прошептал я. Кушетка растаяла. Я почувствовал, что опустился на несколько дюймов ниже – туда, где раньше был пол подвала. Но теперь это был вовсе не пол. И все же я лежал на чем-то твердом, на вполне осязаемой земле, а рядом со мной сидел Дерек.

– Да, все хорошо, – повторил я.

Моя рука, пошарив вокруг, нащупала почву, поросшую мягкой травой, похожей на газон. Неужели мы под открытым небом? Внезапно все на это указало: лицо овеял мягкий, теплый ветерок, появилось ощущение бескрайнего простора. Свет прибывал – слабый, рассеянный, словно стремительно разгорался рассвет.

Я почувствовал, как Дерек возится с моим запястьем.

– Вот и всё, Чарли.

Слабый щелчок. Дерек помог мне подняться. Я стоял на ногах, залитый ярким светом, покачиваясь и цепляясь за друга. Словно я зажмурился, а теперь вдруг распахнул глаза. Вокруг были дневной свет, яркие краски и движение. Абсолютно осязаемый, реальный мир – реальный для меня теперь, потому что я стал его частью. Великое царство неведомого!

Глава 4. "Хоуп, я здесь..."

Первое, что я ощутил, было странное умиротворение, снизошедшее на меня, словно я разом отгородился от вечной суеты нашего мира. Какая-то часть моего существа угасла, и ее место занял абсолютный покой. Но это было лишь мгновение перехода. Оно тут же миновало. Я стоял, дрожа от нетерпения, и чувствовал, что Дерек дрожит точно так же.

Нас окружало лучистое сияние, которое постепенно рассеивалось и крепло. Под ногами была земля, над головой – небо. Вполне земной, поразительно знакомый пейзаж. Физический мир, ничем не отличающийся от нашего, но словно озаренный каким-то новым, величественным великолепием. Первозданная природа в ее безмятежном покое.

Сперва мне показалось, будто мы стоим при дневном свете. Но теперь я разглядел, что это было яркое сияние звезд. Вечер – точь-в-точь такой же, какой мы только что покинули в своем мире. Звездный свет озарял все вокруг так ясно, что я мог видеть на много миль вперед.

Мы стояли на вершине пологого холма. Вокруг простиралась мягкая, чуть холмистая равнина. Неподалеку, петляя среди деревьев, убегал и терялся вдали ручей. И вдруг меня пронзило изумление: до чего же здесь все было знакомо! Мы стояли лицом к западу – туда, где в Нью-Йорке катит свои воды Гудзон. Очертания этой местности были столь узнаваемы, что я без труда определил, где мы. В миле впереди, поблескивая в низине, несла свои воды река, а на ее противоположном берегу высились крутые утесы. Поблизости раскинулись поля, перемежающиеся рошицами и круглыми заплатками возделанной земли. Кое-где виднелись жилища – приземистые овальные хижины под зелеными соломенными крышами.

Нежный багрянец недавнего заката еще лежал на ландшафте, сливаясь с сиянием звезд. К реке вела дорога – белая лента в звездном свете. Странного вида животные медленно тащили повозки. Вдали на полях виднелись фигурки работающих людей.

На нашем берегу реки раскинулся город. Город? Он походил скорее на первобытное поселение. Все здесь дышало глубокой древностью, словно мы набрали на затерянное племя индейцев из ушедших веков. Местные жители выглядели очень живописно: работавшие в поле крестьяне были одеты в яркие одежды. Низкие плоские телеги тащили круторогие волы.

Эта мирная деревушка, дремлющая у безмятежной реки, казалась совершенно обыкновенной и привычной. Легко было представить, что это просто тихий вечер после трудового дня. Все вокруг окрасилось в мягкие розовые тона – прощальный привет зашедшего солнца. И словно в подтверждение моих мыслей, из деревушки у реки донесся нежный перезвон колокола, похожий на вечерний благовест.

Какое-то время мы молча стояли, вглядываясь в эту картину. Я чувствовал себя совершенно нормально. Теплый, ласковый ветер овеивал мое разгоряченное лицо. Ощущение невестомости бесследно исчезло. Для меня все снова стало реальным.

– Хоуп обещала встретить меня здесь, – прошептал Дерек.

И тут мы оба ее увидели. Она шла нам навстречу по дороге. Стройная девичья фигурка в причудливом, ярком наряде: короткая синяя курточка с широкими летящими рукавами, пунцовые панталоны до колен с покачивающимися кисточками и широкий алый кушак на талии. Светло-золотые волосы были уложены на голове высокой короной...

Девушка шла по обочине со стороны города. Когда мы ее заметили, она была всего в нескольких сотнях футов от нас; шла она быстро, но как-то робко, словно таясь. Вдоль дороги тянулся низкий частокол, и она старалась держаться в его тени.

Мы ждали в звездном свете. Немногие люди на полях и на дороге были слишком далеко, чтобы нас заметить. Девушка приближалась. Ее белая рука взметнулась в приветственном жесте, и Дерек помахал в ответ. Она свернула с дороги и пошла к нам прямо по полю. Когда она подошла ближе, я разглядел, до чего она хороша. Лет восемнадцати на вид, такая сказоч-

ная фигурка в своем пестром наряде. Свет звезд озарял ее бледное личико – встревоженное, испуганное, но полное надежды.

– Дерек!

– Хоуп, я здесь... – выдохнул он.

Я же молча наблюдал со стороны. Дерек раскрыл объятия, и девушка с тихим вскриком бросилась к нему на грудь.

Глава 5. Заговор

– Я вовремя, Хоуп?

– Да, но праздник начнется уже сегодня. Буквально через час–другой. О Дерек, если король устроится этот пир, труженики поднимут бунт. Они этого не потерпят!..

– Сегодня?! Нельзя этого допустить! Мне не хватит времени, чтобы все спланировать.

Я молча слушал их взволнованный шепот. Поглощенные разговором, они на какое–то время совсем позабыли обо мне.

– Сегодня король объявит свое решение, Дерек. Он сам об этом заявил. Королевой станет либо Бланка, либо Сенсуа. И если он выберет Багряную Сенсуа... – Девушка запнулась, а затем продолжила: – Если ее – прольется кровь. Люди только и ждут, кого он назовет.

Дерек воскликнул:

– Но сегодня – это слишком рано! Мне нужно время. Хоуп, а какую роль во всем этом играет Робар?

Станный заговор! Из их слов и из того, что они наспех рассказали мне минуту спустя, в моей голове начала складываться общая картина. Намечался великий праздник – буйное пиршество с музыкой и плясками, во время которого молодому королю Леонто предстояло избрать себе супругу. Кандидатур было две. Багряная Сенсуа – распутная, порочная женщина, которая, став королевой, еще сильнее закрутит гайки и задавит бедняков. И Бланка – чистая красавица из простых работяг, сумевшая возвыситься и стать фавориткой при дворе. Хоуп была ее служанкой.

Избери король Бланку, и народ бы успокоился: все–таки своя, из низов. Она смогла бы наставить беспутного монарха на путь истинный и добиться справедливости для угнетенных.

Но и Дерек, и Хоуп прекрасно понимали, что кроткой и добродетельной Бланке короны не видать. Сегодня ночью люди окончательно в этом убедятся, и тлеющий мятеж вспыхнет настоящим пожаром.

Был еще этот Робар. Как пояснил мне Дерек:

– Он правая рука короля, Чарли.

Я слушал их, стоя под звездами. Какой странный, первобытный мир! Никакого современного оружия – мы не взяли с собой ничего, ведь электрический ток при переходе попросту взорвал бы патроны в обойме револьвера. Все наше вооружение ограничивалось кинжалом, который Хоуп только что протянула мне.

Первобытные интриги. Я мысленно рисовал себе этот охваченный смутой край, где простые работяги были темны и забиты, как худшие из мексиканских пеонов. Они жаждали лучшей доли, но не знали, как ее добиться, и готовы были пойти за любым горлопаном, который сладкоречиво объявит себя радетелем за народ.

Должно быть, Робар как раз и замышлял нечто подобное.

Впрочем, как и Дерек!

– Хоуп, если бы ты могла убедить короля отложить праздник... – горячо заговорил он. – Если бы Бланка помогла его уговорить... Хотя бы до завтрашнего вечера...

– Я попробую, Дерек. Но все должно начаться уже через час–другой.

– А где сам король?

– В своем дворце, у праздничных садов.

Она указала на юг. Я мысленно перенесся в наш Нью–Йорк. Холм, на котором мы сейчас стояли у дерева, в моем мире находился где–то на пересечении Пятой авеню и Шестнадцатой улицы. А королевский дворец и праздничные сады располагались на самом юге, у Беттери, где сливаются две реки, образуя широкую гавань.

– Времени в обрез, – бросил Дерек. – Ты сможешь провести нас к дворцу?

– Да. Внизу, на дороге, меня ждет повозка.

– А плащи для нас с Чарли?

– Тоже там.

– Отлично! – отозвался Дерек. – Мы едем с тобой. Шансов мало, вряд ли он согласится отложить пир. Но если нет, затеряемся в толпе. И когда он выберет Багряную Сенсуа...

Она вздрогнула:

– О, Дерек... – И мне показалось, будто она едва слышно прошептала: – О, Александр... – но Дерек тут же прижал палец к губам, призывая ее к молчанию.

Он обнял ее за плечи. Она прильнула к его высокому, мускулистому телу, хрупкая и беззащитная, словно ребенок.

– Не бойся, глупышка Хоуп, – мягко произнес он.

Лицо его посуровело, глаза взволнованно заблестели. В этот миг я отчетливо разглядел в нем прирожденного искателя приключений. Настоящий анахронизм для нашего упорядоченного Нью-Йорка! Он явно родился не в свою эпоху. Но здесь, в этом первобытном краю, он был на своем месте.

Я потянул его за рукав:

– Как ты... как мы вообще смеем лезть в это пекло? Да, мы укроемся плащами, но ты ведь заикаешься о том, чтобы повести за собой бунтовщиков!

Он мягко отстранил Хоуп и повернулся ко мне.

– Я справлюсь, Чарли! Вот увидишь, – на его губах заиграла странная улыбка. – Вот увидишь. Только я не хочу раскрывать карты раньше времени. Не сегодня. Но сейчас нам позарез нужно отсрочить этот проклятый праздник.

Наш разговор занял от силы минут пять. Пора было двигаться в путь. Дерек добавил:

– Что бы ни случилось, Чарли, я прошу тебя приглядывать за Хоуп. Сбереги ее для меня, ладно?

– Да, я сделаю все, что смогу, – пообещал я.

Хоуп улыбнулась и протянула мне руку:

– С другом Дерек мне ничего не страшно.

Ее английский звучал с непривычным акцентом, но то, что это был ее родной язык, не вызывало сомнений.

Я сжал ее холодную, слегка дрожащую руку:

– Спасибо, Хоуп.

В ее глазах, подернутых туманным звездным светом, светилась нежность, но предназначалась она не мне.

– Да, Дерек, – повторил я. – Ты можешь на меня положиться.

Мы спустились с холма. По дороге катила груженная припасами телега. Рядом бежал погонщик – мальчишка в лихо заломленной, но изрядно поношенной красно-синей куртке и широких штанах, направляя волов хворостиной. Когда они проехали, мы двинулись следом и вскоре добрались до тайника, где Хоуп спрятала плащи. Мы с Дерексом накинули их. Это были длинные багряные плащи с глубокими капюшонами.

– На празднике соберется много людей под такими же покрывалами, – объяснила Хоуп. – Теперь вы не привлечете внимания.

Чуть дальше дорога взбежала на пригорок. Перед нами несла свои воды река, и позади тоже текла река. А в нескольких милях к югу они сливались, образуя широкую водную гладь. До боли знакомые очертания! Гудзон! Ист-Ривер! И там, на самом южном мысу острова – Нью-Йоркская бухта.

Хоуп указала в ту сторону:

– Королевский дворец вон там.

Вскоре нам стали попадаться редкие дома – те самые первобытные соломенные хижины. В открытую дверь одной из них я разглядел семью бедняков за скудной вечерней трапезой. На всех были те же яркие, щегольские, но заношенные лохмотья. В поле мы заметили старика, который допоздна работал под звездным небом. Годы согнули его в дугу, но он продолжал упорно возделывать землю. Хоуп помахала ему, старик кивнул в ответ, но на нас, укутанных в багряные плащи, он исподлобья метнул полный внутренней враждебности взгляд.

Мы подошли к легкой открытой повозке, стоявшей у обочины. Косматый круторогий вол был привязан к изгороди. Повозка была маленькой, на небольших сплошных деревянных колесах–катках, с сиденьями внутри и пестрым навесом. Мы забрались в нее и с грохотом покатались вперед.

А ведь эта залитая звездным светом грунтовка в нашем мире была Бродвеем! Вскоре мы поехали у самой кромки воды. Тихая, мирная река под звездами... Подумать только, ведь в нашем мире она сплошь застроена причалами! Здесь швартуются гигантские океанские лайнеры с огромными трубами и многоярусными палубами! Под этим руслом проложены туннели, где бесконечным потоком мчатся автомобили! Линии метро, где в грохочущих поездах теснятся тысячи людей!

Но здешняя реальность разительно отличалась. Позади нас вдоль реки тянулась верхняя часть города. Впереди тоже виднелись улицы и дома – кварталы тружеников. Где-то уныло бил колокол. На всех дорогах замелькали желтые огоньки факелов и фонарей на праздничных повозках, спешащих к месту торжества. Желтые факельные отсветы плясали и на воде – это плыли лодки.

Вскоре мы въехали на городские улицы – узкие, грязные, застроенные убогими лачугами. Из дверей выглядывали женщины, провожая глазами нашу спешащую повозку. Наш багряный наряд жег мне плечи: я кожей чувствовал ненавидящие, злые взгляды, которые швыряли нам вслед со всех сторон в этих нищих, заброшенных трущобах.

По всем улочкам теперь тянулись повозки, стекаясь к югу. Большинство из них были забиты молодежью в кричащих нарядах. Кое-кто, как и мы, кутался в багряные плащи. Повозки были завалены цветами. Когда нас с грохотом обогнала телега покрупнее, стоявшая в ней девушка осыпала меня бутонами. Ее алое покрывало соскользнуло с плеч; я успел разглядеть лицо в обрамлении густых темных волос и веселые, насмешливые, манящие глаза.

Наконец мы добрались до южной оконечности острова. Казалось, сюда уже съехались или как раз прибывали не меньше тысячи человек. На самом мысу раскинулась широкая набережная, за которой высился просторный навес. Ярко пылали факелы, окрашивая воздух всполохами желтого, красного и синего пламени. Веселая толпа фланировала по набережной, наблюдая за причаливающими лодками.

А сразу за аллеей у самой воды начинался сад с деревьями, зелеными лужайками, кустами и клумбами ярких высоких цветов. Здесь были укромные уголки для влюбленных, а в глади прудов зеленовато-красными искрами отражался факельный свет. В одном из водоемов, резвясь словно дельфины, шумно купалась стайка девушек.

Чуть поодаль у реки возвышалось длинное приземистое здание – королевский дворец. Его окружали обширные сады с кустами и цветами, а вся территория была обнесена высокой металлической оградой с острыми пиками наверху.

Главные ворота были совсем рядом; мы вылезли из повозки. У ворот замер бдительный стражник – бравый парень в кожаной куртке и кожаных штанах, в островерхом шлеме и с огромным, остро отточенным копьём в руке. Дворцовые сады, насколько хватало глаз, казались безлюдными – сюда допускали лишь избранных. Но когда я спускался с повозки, мне показалось, что прямо за оградой кто-то прячется. Едва мы приблизились к воротам, эта фигура метнулась прочь. Стражник ничего не заметил – это был невзрачный мужчина в насквозь мокрой одежде, словно он только что выбрался из воды.

Дерек тоже его заметил и процедил сквозь зубы:

– Они повсюду.

Хоуп уверенно повела нас к воротам. Стражник узнал ее и по властному жесту девушки послушно отступил в сторону. Мы прошли внутрь. Теперь я разглядел дворец – длинное, приземистое здание из дерева и камня, с высокой башней на конце одного из крыльев. Фасад его смотрел на реку, но здесь, со стороны сада, ко входу вел широкий пологий настил, поднимавшийся футов на двадцать над землей и перекинутый через сухой ров. За ним виднелась небольшая площадка, а дальше – овальная арка главного входа.

Закутавшись в багряные плащи и натянув капюшоны до самых глаз, мы с Дерекком двинулись вслед за Хоуп внутрь дворца.

Глава 6. Приспешник короля

Длинный зал был залит разноцветными огнями. Пол украшала узорчатая плитка. Тяжелые варварские портьеры из плотной ткани закрывали оконные проемы и арки. Это были по-настоящему первобытные покои. Они вполне могли бы служить тронным залом какого-нибудь легендарного восточного владыки из древних эпох. И все же не совсем. В здешней обстановке сквозила какая-то дикая современность – я не мог толком объяснить это чувство и не понимал, откуда берется это ощущение странности. Возможно, все дело было во внешнем облике людей.

Зал был переполнен мужчинами и весело смеющимися девушками в причудливых карнавалых нарядах. По меньшей мере половина из них куталась в багряные плащи, но у большинства капюшоны были откинuty. Они прохаживались, болтали и смеялись, явно дожидаясь часа, когда можно будет отправиться на праздник. Мы стали пробираться сквозь толпу.

– Не опускай капюшон, Чарли, – вполголоса предупредил Дерек.

Какая-то девица ухватила меня за край плаща:

– Эй, красавчик, дай-ка я на тебя погляжу!

Она потянулась накрашенными губами к моему лицу, словно подначивая поцеловать ее, но Хоуп бесцеремонно оттолкнула девицу. Полы распахнувшегося плаща незнакомки обнажили ее великолепное белоснежное тело, прикрытое лишь прядями темных волос. Она была экзотически красива, полна первобытной, необузданной страсти – типичное дитя этого дикого края.

– Сюда, – прошептала Хоуп. – Держитесь рядом. И ни слова!

Мы протиснулись вперед и замерли у стены, где нас частично скрывали тяжелые портьеры. Под балдахином, за столом на невысоком возвышении в дальнем конце залы, восседал юный монарх. На вид ему было около тридцати. На нем был праздничный наряд: красно-белые шелковые чулки, странного покроя колет и облегающая сорочка. Голова его была непокрыта; густые черные волосы спускались до самой шеи.

Он сидел за столом с величавым спокойствием, но в окружении любимых придворных держался непринужденно. Сегодня он явно пребывал в прекрасном расположении духа и раздавал указания насчет предстоящего зрелища, отправлял гонцов. Я стоял, не сводя с него глаз. Поистине царственная особа. В нем тоже странным образом сочетались черты дикого варварства и утонченной современности.

Хоуп подошла к нему и опустилась на колени. Нам с Дерексом сквозь неумолчный гул толпы были слышны их голоса.

– Моя малютка Хоуп, в чем дело? Встань, дитя.

– Ваше Величество, я принесла весть от Бланки.

Он рассмеялся:

– Можешь не продолжать! Я и так все знаю! Ей не хочется этого праздника. Рабочие, – сколько же язвительного презрения он вложил в это единственное слово! – "труженики" оскорбятся тем, что мы сегодня веселимся. Пфе! – Но он все еще смеялся. – Довольно об этом, крошка Хоуп. Передай Бланке, чтобы сегодня она пела и танцевала как никогда лучше. Ведь ночью я сделаю свой выбор. Ты знала об этом?

Хоуп промолчала. Он повторил:

– Так ты знала?

– Да, Ваше Величество, – прошептала она.

– Сегодня ночью я выберу королеву, дитя. Бланку или Сенсуа. – Он вздохнул. – Обе невероятно красивы. Знаешь, на кого падет мой выбор?

– Нет, – ответила она.

– Вот и я не знаю, глупышка Хоуп. Вот и я не знаю.

Он небрежно махнул рукой, отпуская ее:

– Ступай. И не докучай мне больше.

Она приоткрыла рот, словно собираясь возразить, но его глаза внезапно гневно сверкнули.

– Не зли меня. Надеюсь, мы поняли друг друга?

Она повернулась и пошла назад, туда, где затаились мы с Дерекком. Болтающая толпа не обращала на Хоуп никакого внимания, но не успела она дойти до нас, как от одной из групп отделился мужчина и преградил ей дорогу. Высокий и внушительный, он, пожалуй, был самым крупным человеком в этом зале. По меньшей мере на пару дюймов выше Дерекка. На его широких могучих плечах висел красный плащ с откиннутым капюшоном. Круглая, упрямая голова с коротко стриженными черными волосами. Ровесник короля, он отличался крупными, грубыми чертами лица и сверкающими темными глазами. Этот приспешник короля выглядел, как настоящий проходимец и авантюрист.

– Что тебе нужно, Робар? – спросила Хоуп.

– Присоединишься к нашей компании, крошка Хоуп? – Он бесцеремонно опустил тяжелую ладонь на ее белую руку. Его лицо было обращено в мою сторону, и я отчетливо видел плотоядный блеск, с которым он разглядывал девушку.

– Нет, – отрезала она.

Он попытался притянуть ее к себе, но она вырвалась. На его лице промелькнул гнев, но во взгляде по-прежнему читалось вождение.

– Какая же ты смелая, Хоуп, раз смеешь так пренебрегать мной, – он понизил голос, явно боясь, что его услышит король.

– Оставь меня в покое! – бросила она.

Она бросилась прочь, но прежде чем подойти к нам, выждала минутку, пока он не отвернулся.

– Все напрасно, – прошептала Хоуп. – Мы ничего не можем сделать. Вы сами слышали слова короля... к тому же праздник уже начался.

Дерек на секунду задумался. Он пристально смотрел через весь зал туда, где Робар стоял в окружении хохочущих девиц. Наконец он произнес:

– Пошли, Чарли. Посмотрим на это зрелище. Этот венценосный дурак наверняка выберет Багряную Сенсуа. – Он пожал плечами. – И тогда начнется хаос...

Мы протиснулись к выходу, покинули здание и поспешили через дворцовые сады. Люди в красных плащах тоже потянулись из дворца в сторону праздничной площади. Мы переждали, пока пройдет шумная гурьба гостей, чтобы держаться особняком. Когда мы приближались к воротам, проходя в тени высоких цветущих кустов, меня вдруг пронзило смутное предчувствие, будто за нами следят. Но уже в следующий миг вокруг оказалось столько всего интересного, что я тут же забыл об этой тревоге, однако на всякий случай положил руку на рукоять кинжала и придвинулся ближе к Хоуп.

Мы подошли к главному входу под навес. Навстречу нам выпорхнула стайка девушек в красных плащах. Они промчались мимо, на бегу сбрасывая с себя одеяния. Их белые тела ярко вспыхивали в лучах цветных огней, когда они с разбега ныряли в воду бассейна.

Мы подоспели в самый раз. Хоуп прошептала:

– Король может появиться здесь в любую секунду.

Под навесом раскинулся просторный амфитеатр со зрительскими местами. На противоположном конце возвышались подмостки, заменявшие сцену. Она была ярко освещена разноцветными факелами, которые держали высоко над головой застывшие подобно статуям девушки в струящихся одеяниях. Все места были заполнены. В полумраке неосвещенного зала мы отыскивали свободные места сбоку, у самого края навеса. Мы уселись так, чтобы Хоуп оказалась между нами.

Дерек шепнул мне на ухо:

– Шекспир вполне мог бы поставить пьесу в подобных декорациях.

Это было первобытное театральное представление. Здесь не было занавеса, который отделял бы друг от друга сцены этого подобию балаганного ревью. Девушки с факелами, точно пажи, выстроились в ряд вдоль авансцены. Они уже замерли там, когда мы усаживались на свои места. Яркое сияние их факелов надежно скрывало то, что происходило на сцене позади них.

Пришлось подождать несколько минут, а затем в благоговейной тишине появился король в сопровождении свиты. Он занял ложу под балдахином, расположенную сбоку. Едва он устроился на месте и поднял руку, как в толпе снова зазвучал приглушенный гул голосов.

Вскоре девушки–пажи расступились, освобождая сцену. Гул в зале стал напряженным. Представление, которому суждено было так скоро закончиться трагедией, началось.

Глава 7. Багряная убийца

Хоуп прошептала:

– Сначала исполнят трехчастную композицию. Сначала музыка духа.

Оркестр сидел на сцене полукругом. В нем было не меньше сотни музыкантов, мужчин и женщин. Они разделились на три группы; сейчас должна была заиграть центральная. В торжественной тишине этот слаженный, обходящийся без дирижера хор инструментов, все участники которого были облачены в белое, вывел первую тихую ноту. Я вытянул шею, чтобы получше разглядеть сцену.

Этот "белый хор" состоял почти сплошь из деревянных духовых. Тут были и связки крошечных трубочек – на таких мог бы играть сам Пан, – и флейты, и флажолеты, и пузатые глиняные свистульки, похожие на окарины, и длинные, тонкие, как болотный тростник, свирели.

В мгновение ока музыка полностью завладела мной. Она зародилась едва слышно, с одиночных глухих звуков одного инструмента, которые тут же подхватили остальные; мелодия заметалась среди музыкантов, точно блуждающий огонек. Этот перелив казался бесконечно далеким, и расстояние делало его еще нежнее. Но вот он окреп и придвинулся ближе.

Мне никогда не приходилось слышать ничего подобного. Первобытная? Нет, вовсе нет. Дикая, варварская? Тоже мимо. Она ничуть не походила ни на древние напевы нашей Земли, ни на то, как я представлял себе музыку будущего. Это было нечто совершенно иное – неземное, эфирное. Звуки подхватили меня, унося прочь; это был чистый восторг, возносящий душу в высь. Теперь музыка зазвучала торжествующе. Она нарастала, но в ее ритме, в биении каждого инструмента не было ничего, кроме первозданной чистоты. А затем она снова растаяла вдали, обратившись в тонкий, изысканный мотив из сновидения. Баюкающий, умоляющий шепот ангелов.

Музыка смолкла. Раздался шквал аплодисментов.

Я наконец перевел дух. Вот какой могла бы быть музыка в нашем мире, но увы. И я невольно вспомнил наш оглушительный, ревущий джаз.

– А теперь зазвучит музыка плоти, – шепнула Хоуп. – Следом Сенсуа и Бланка исполнят танец. Вот тогда мы и увидим, кого выберет король.

На сцене погасили все факелы, кроме красных. В амфитеатре стало еще темнее, а подмости залило густым багрянцем. Музыка чувств, музыка плоти! Она и впрямь отличалась от предыдущей так же сильно, как тело отличается от духа.

Теперь вступили струнные: низкие, поющие цитры и пузатые инструменты с округлыми деками, похожие на огромные виолы с чувственными, вибрирующими голосами. Их ритм, быстрый и четкий, отбивали полыми высушенными тыквами. Музыка взмыла вверх сладострастным порывом, оборачиваясь гимном безудержной страсти, и на этой звуковой волне на сцену вылетела Багряная Сенсуа. На миг она замерла, давая зрителям рассмотреть себя во всей красе. Красный факельный свет омывал ее тело, окрашивая багрянцем белизну округлых рук и ног, тяжелые плечи и полную, пышную шею.

Женщина лет под тридцать, пышнотелая, в алых покрывалах, которые скорее дразнили взор, чем скрывали ее наготу. Лицо ее дышало грубой, чувственной красотой. В нем сквозило чистое зло и, как мне показалось, крайняя степень порочности. Темные глаза с густо накрашенными ресницами, тяжелые, ярко-алые губы. Настоящая уличная язычица. Такую особу легко можно было представить вышагивающей по древним мостовым какого-нибудь исчезнувшего города и хвастающей нарядами, подаренными богатым и беспутным восточным владыкой.

Прикрыв веки, она замерла, и в ее глазах тлела безумная страсть. Сенсуа посмотрела в сторону королевской ложи, послав монарху победный, исполненный уверенности взгляд.

Король ответил ей улыбкой. Подавшись вперед и перегнувшись через перила, он заворуженно следил за каждым ее движением.

Под нахлынувший рокот музыки она начала свой танец. Сперва двигалась медленно, очень медленно, извиваясь и покачивая бедрами на манер индийской баядерки. Она кружила около музыкантов, одаривая их похотливыми взглядами. Затем Сенсуа замерла у самого края сцены; музыка бушевала вокруг, но танцовщица словно не замечала ее, устремив на короля подернутый истомой, дерзкий, страстный взор.

В ее руке откуда-то взялся нож. Она вскинула его вверх, и багровый свет факелов заиграл на обнаженном лезвии. Разыгравшееся воображение заставило меня вздрогнуть: мне почудилось, будто с клинка каплет кровь. Нахмурившись, она вонзила нож в воображаемого любовника. Попятилась. Наклонилась и опустила на колени. Стоя на коленях, она обнимала пустоту, словно лаская отсеченную голову убитого ею мужчины, и осыпала его мертвые губы жуткими, мертвенными поцелуями.

Но вот она снова вскочила на босые ноги и закружилась по сцене. Браслеты на ее щиколотках звякали в такт тигриной поступи. Музыканты испуганно шарахались от сверкавшего в воздухе лезвия.

Внезапно в глубине сцены появилась фигура девушки в белых шелках.

– Это Бланка? – шепнул Дерек.

– Да, – так же тихо ответила Хоуп.

Бланка стояла, наблюдая за соперницей. Багряная Сенсуа пронеслась мимо, резко схватила ее за запястье и выволокла на середину сцены. На долю секунды мне показалось, что это часть представления. Хрупкая, нежная Бланка в белых одеждах и белом головном уборе казалась живым воплощением чистоты, оказавшейся во власти порочной страсти.

Но мгновение спустя всех нас парализовал ужас. Я физически ощутил, как волна потрясения прокатилась по залу. Раздался дружный вздох ужаса. Напуганная девушка в белом попыталась вырваться. Музыканты сбились с ритма, их ряды смешались. У меня кровь застыла в жилах, я не мог отвести глаз. Нож на сцене взмыл вверх, со свистом опустился, а затем поднялся снова. Багряная Сенсуа торжествовала. С клинка, которым она теперь победно размахивала над головой, на этот раз текла самая настоящая, алая кровь.

Зашедшись в крике, любимица простого люда осела и рухнула на пол... Она лежала без движения у ног багряной убийцы.

Глава 8. "Да это же измена!"

Зал ахнул. Зрители оцепенели. На сцене багряная убийца метнулась в сторону и скрылась в темноте – и никто даже пальцем не шевельнул, чтобы ее остановить. Секундное оцепенение спало. В толпе истошно закричала девушка. Кто-то рванулся с места, с грохотом перевернув скамью.

Под навесом амфитеатра начался сущий ад. Вопли, крики, треск ломающейся мебели; обезумевшие от страха люди давили друг друга, пытаясь выбраться наружу в кромешной тьме. Факелы на сцене выронили, и они тут же погасли. Нас мгновенно поглотил мрак.

Мы с Дерексом крепко держали Хоуп. Спереди в нас прилетела опрокинутая кем-то скамья. Толпа неслась прямо на нас, увлекая за собой во всеобщем порыве паники.

Сквозь рев я услышал крик Дерекса:

– Держимся вместе!

Мы сопротивлялись как могли, но нас все равно оттеснило назад. Наконец мы оказались за пределами навеса. Здесь горели факелы, их свет дрожал на водной глади бассейна. Повсюду металась испуганная толпа, ошалевшая от пережитого ужаса. Под навесом все еще раздавались истошные крики.

На миг я отбился от Дерекса и Хоуп и чуть было не свалился в воду. У каменного бортика бассейна сжалась в комок какая-то девушка. Мокрые багряные шелка облепили ее белое тело, длинные влажные волосы спутались. Наткнувшись на нее, я невольно замер. Она подняла лицо: широко распахнутые от ужаса глаза, безмолвные, густо накрашенные алые губы...

– Чарли! – снова донесся голос Дерекса.

Я протиснулся обратно к нему. Толпа вокруг нас редела. Девушки торопливо выбирались из бассейна и в панике убегали, растворяясь в мечущейся толпе.

И тут у самой кромки залива из темноты стали бесшумно вырастать зловещие мужские силуэты. Труженики! Они словно по волшебству возникали отовсюду. На другой стороне бассейна я заметил застывшую от страха девушку. К ней стремительно подскочил огромный мужчина в черном плаще. В свете разноцветных гирлянд, висевших на деревьях, зловеще блеснул занесенный клинок. Девушка упала с глухим вскриком, а убийца растворился в беснующейся массе.

– Чарли!

Я наконец пробился к своим. Хоуп дрожала всем телом, прижимая ладонь к губам. Дерекс мертвой хваткой вцепился в мое плечо:

– Быстро сбрасывай плащ! – Он сорвал с себя багряное одеяние и швырнул его в сторону, а затем рванул с моих плеч мое. – Слишком опасно! Сегодня красный цвет – это багряная метка смерти.

Мы остались в одежде нашего собственного мира. На мне был строгий деловой костюм, в котором я еще утром расхаживал по Уолл-стрит, на Дерексе – его щегольская форма. Он выпрямился во весь рост – могучий, внушительный. На его запястьях поблескивали провода нашего механизма перехода; они тянулись к затылку, соединяясь со странным электродом, закрепленным на его голове. Зрелище пугающее и величественное!

На мгновение мы оказались одни под цветными огнями, струившимися сквозь кроны деревьев.

– Но они же увидят вас... увидят... – пролепетала Хоуп.

Лицо Дерекса посуровело, но на ее слова он лишь сухо рассмеялся:

– Пусть видят! Какая разница? – Он резко повернулся ко мне: – Карты раскрыты, Чарли. Теперь нам придется действовать в открытую! Это убийство... этот король... Боже, какой же он дурак, раз довел ситуацию до такого! Собственный народ... этот хаос... ну и глупец!

Он выхватал кинжал. Я опустил взгляд и понял, что тоже сжимаю в руке свое оружие. Неподалеку под деревом лежало тело придворного в багряном одеянии. Рядом в траве валялся меч. Дерек ринулся к нему и победно взмахнул клинком.

С момента убийства на сцене прошло едва ли больше пары минут. У причала в панике грузились в лодки и спешно отчаливали люди. Одно суденышко перевернулось. Повсюду раздавались вопли. На земле лежали неподвижные тела в красных одеждах – те, кого затоптали в панике или закололи. Но мрачные фигуры бунтовщиков–тружеников теперь как будто растворились в темноте.

Дерек указал вперед:

– Смотри, дворец! И сад!

За шатром раскинулись дворцовые сады. Сквозь листву я разглядел высокую ограду и главные ворота. Там бушевала толпа мятежников. Стража у ворот разбежалась, и разъяренная чернь хлынула внутрь. Мужчины и женщины в ярких крестьянских одеждах были вооружены палками, дубинами, камнями и косами. Они шумели у ворот, врывались в сад и рассыпались по территории. До нас долетал слитный грозный гул их голосов.

Мы стояли всего в десятке шагов от края павильона. На нас пока никто не обратил внимания. Под навесом загорелось несколько уцелевших фонарей, осветив тела погибших среди обломков опрокинутых скамей.

– Мы уже ничего не исправим, – бросил Дерек. – Все кончено. Смотри, они штурмуют дворец!

Мятеж вспыхнул молниеносно. Я понял, что рабочие заранее спланировали нападение на случай, если король выберет Сенсуа. Но зверское убийство Бланки стало для них такой же неожиданностью, как и для нас...

– Быстрее! Хоуп, мы сможем проникнуть во дворец? Король наверняка укрылся там. Приди в себя, девочка! – Дерек схватил ее за плечи и слегка встряхнул.

– Да, есть подземный ход. Скорее всего, он ушел именно им.

Из дворцовых садов доносились все более громкие крики разъяренной толпы. А внутри самого здания тревожно и надрывно зазвонил колокол.

– Сюда! – выдохнула Хоуп.

Она увлекла нас обратно под навес. Мы пробирались через завалы сломанных сидений, мимо скорбных, застывших тел. Кое-кто еще слабо шевелился... Хоуп привела нас к неприметной двери под театральной сценой. За ней скрывалась темная, пустая комната. У стены стоял огромный гардеробный шкаф с театральными костюмами. Он уходил вглубь футов на двадцать. Протискиваясь сквозь ряды развешанных нарядов, мы добрались до задней стенки. Хоуп принялась ощупывать деревянные доски и вскоре наткнулась на потайную панель. Дверь послушно отворилась, и нам в лицо пахнуло прохладным, сырым воздухом. Впереди зияла чернота тоннеля.

– Заходи, Чарли!

Я пригнулся и шагнул в проход. Хоуп закрыла за нами потайную дверь. В тоннеле царила кромешная тьма, но вскоре глаза немного привыкли, и мы начали различать смутные очертания стен. Дерек шел впереди с мечом наперевес, я сжимал свой кинжал. Мы прошли около пятисот футов. Сначала тоннель шел под уклон, затем стал забирать вверх. Судя по тому, что ход вильнул влево, мы находились прямо под дворцовыми садами. Кое-где тускло светили редкие светильники.

– Труженики знают об этом ходе? – шепотом спросил Дерек у Хоуп.

– Нет.

– И куда он ведет? – тихо поинтересовался я.

– На нижний этаж дворца. Король наверняка бежал именно здесь. Но там может стоять стража, Дерек. Что ты будешь делать?

Он лишь усмехнулся:

– Я разберусь с этой чернью. Разобью их в пух и прах, вот увидишь! И с королем поговорю. – Он снова угрюмо усмехнулся: – Бланки больше нет, так что выбирать ему не из кого.

Тоннель круто повернул и пошел на подъем. Дерек остановился.

– Хоуп, далеко еще?

– Уже близко, – прошептала она.

Мы двинулись дальше, ступая бесшумно. Теперь тоннель больше напоминал узкий коридор. Впереди, за сгорбившейся фигурой Дерека, в полумраке показался дверной проем. Дерек обернулся и жестом приказал нам оставаться на месте. У дверей стоял дворцовый гвардеец. При нашем приближении он вскинул пику:

– Кто идет?

– Свои!

Однако гвардеец сделал резкий выпад пикой. Дерек уклонился, его меч молнией пронзил воздух и плашмя обрушился на лицо стражника. С невероятной быстротой Дерек повалил его на пол. Прежде чем бедняга успел издать хоть звук, Дерек оглушил его ударом рукояти меча по голове. Гвардеец обмяк. Мы бросились вперед.

Только сейчас я заметил, что в левой руке Дерек сжимает небольшой металлический цилиндр – неизвестное мне оружие, которое он захватил с собой. Он ни словом о нем не обмолвился, но достал, когда возникла угроза со стороны стражника. Впрочем, в последний момент решил его не применять и спрятал обратно в карман.

Тяжело дыша, он повернулся к нам:

– Быстрее! Закройте дверь!

Мы притворили дверь в тоннель.

– Чарли, помоги мне оттащить его!

Вместе мы оттащили бесчувственного гвардейца в глубокую тень у стены. Мы оказались в каком-то помещении на нижнем этаже дворца. На данный момент здесь никого не было, но сверху доносился топот множества ног. Во дворце царила паника, а снаружи, из сада, доносились яростные крики штурмующих здание рабочих. И над всем этим безумием надрывно и дико выл набат с дворцовой башни.

– Веди нас к королю! – быстро скомандовал Дерек.

Хоуп повела нас по запутанным переходам дворца, и мы поднялись по лестнице на главный этаж. Все залы были забиты перепуганными насмерть людьми – придворными в багряных нарядах, испачканных грязью. В этой неразберихе на нас никто не обращал внимания.

Преодолев еще один лестничный пролет, мы оказались в пустой комнате. Заглянув в окно, мы увидели сад. Он был забит бушующей толпой, которая металась без всякого руководства, размахивая самодельным оружием и осыпая дворец проклятиями. У подножия парадной лестницы люди стояли сплошной стеной, но подняться никто не решался – наверху, на мосту перед сухим рвом, выстроилась цепь дворцовых стражников.

Дерек нетерпеливо отвернулся:

– Идем к королю.

Мы поднялись на верхний этаж. Обитатели замка провожали нас с Дерексом ошарашенными взглядами. Группа девушек у верхней площадки лестницы в испуге бросилась врассыпную при нашем появлении.

– Где его покои? Быстрее, Хоуп, времени нет! – потребовал Дерек.

Мы застали перепуганного монарха в небольшом кабинете на самом верхнем этаже: он сидел на кушетке в окружении советников. Огромные французские окна вели на балкон, выходивший в сад. В комнате толпилось человек тридцать. Здесь, как и везде, царила полная неразбериха – никто не понимал, что делать в такой ситуации, а треклятый набат лишь нагнетал панику. Мы замерли на пороге.

– Пора, – прошептал Дерек.

Он выпрямился во весь свой могучий рост. Его глаза горели лихорадочным блеском. Таким я его еще никогда не видел: от него буквально веяло властью. Казалось, именно он, а не дрожащий от страха правитель на кушетке, был здесь полноправным хозяином. И когда я взглянул на него в этой дикой, охваченной хаосом обстановке, меня самого поразила исходящая от него сила. Настоящий завоеватель! А странный электрод на его голове придавал ему загадочный, поистине сверхъестественный вид.

Он уверенно шагнул в комнату. В этот момент король как раз отдавал какой-то бессмысленный и путанный приказ для стражников внизу. При нашем появлении в зале воцарилась гробовая тишина. Король попытался приподняться, но бессильно опустил обратно на подушки:

– Что... кто это...

Здесь же находился и Робар. Его длинный багряный плащ висел на плечах с откиннутым капюшоном, а под распахнувшимися полами виднелась кожаные доспехи. На поясе висел меч. Он хмуро расхаживал взад-вперед, скрестив руки на груди, но его взгляд оставался на редкость внимательным. Робар не боялся. Скорее, он хладнокровно оценивал обстановку, прикидывая, как обернуть этот кризис в свою пользу. Заметив нас, он резко остановился и повернулся. Его челюсть буквально отвисла от изумления при виде нашей странной одежды.

Дерек шагнул к нему. Своей мощной фигурой и исполинским ростом Робар превосходил даже Дерека. Король лишь испуганно хватал ртом воздух, беспомощно переводя взгляд с одного на другого.

Робар заговорил первым:

– Кто вы такие?

– Эту толпу нужно немедленно разогнать. И нечего так на меня пялиться! – Дерек говорил уверенно, но очень твердо. – Сейчас не время для объяснений.

Они стояли друг против друга, готовые сцепиться в любую секунду. Тяжелая рука Робара легла на эфес меча, но Дерек бесцеремонно оттолкнул его и повернулся к монарху:

– Ваше Величество...

Король тупо воззрился на него. Подобное обращение, без сомнения, было в новинку для этого мира, но удивляло не больше, чем весь облик Дерека.

– Ваше Величество... – повторил он, но его голос утонул в реве толпы за окном, во вновь поднявшемся шуме в комнате и в проклятом набатном звоне.

Король наконец обрел дар речи.

– Тихо все! – Он вскочил на ноги и снова требовательно спросил Дерека: – Кто ты такой?

– Сейчас я вам покажу, – быстро бросил Дерек. – Я могу усмирить эту чернь! Чарли, за мной.

Мне показалось, что все присутствующие разом уставились на меня. Я расправил плечи и вызывающе посмотрел им в глаза, после чего шагнул за Дерекон к одному из окон, ведущих на балкон. Он вышел наружу, я последовал за ним, но задержался на пороге, чтобы приглядывать за залом. Робар отступил в сторону, и тут я заметил рядом с ним Сенсуа. Багряная убийца была здесь! Они о чем-то шептались, не сводя с нас удивленных взглядов.

По дороге во дворец я все гадал: раз Сенсуа знала, что король выберет ее, зачем ей понадобилось убивать соперницу? Теперь, видя ее рядом с Робаром, я, кажется, понял истинную причину. Она любила Робара, а не короля. А тот метил на трон и использовал Сенсуа как пешку в своей игре. Без сомнения, это он подговорил ее на убийство, прекрасно зная, что это взбесит народ и вызовет хаос, который ему так нужен. Расчетливый мерзавец! Я живо вспомнил, каким вождением горели его глаза, когда он приставал к Хоуп...

И тут на сцене появился Дерек, спутав Робару все карты. Тот никак не мог взять в толк, кто мы и откуда. Я видел, как он в замешательстве шепчется с Сенсуа, лихорадочно соображая, что с нами делать.

Заметил я и еще кое-что: несколько человек в багряных плащах вовсе не выглядели напуганными. Они сбились в кучку и стояли, положив руки на эфесы мечей, поглядывая то на меня, то на Робара – словно ждали от него знака, чтобы наброситься на меня.

На балконе Дерек стоял так, что свет из комнаты падал прямо на него. Толпа внизу его заметила. Прямо под нами находились главные ворота дворца. Мятежники уже начали подниматься по парадной лестнице к застывшим наверху стражникам. При виде Дерек толпа разразилась громоподобным ревом, и те, кто успел ступить на ступени, попятились назад.

Дерек молча стоял у перил балкона с поднятыми руками, созерцая беснующееся внизу море людей. При его появлении на миг воцарилась изумленная тишина, но затем крики взлетели с новой силой. Толпа бурлила и толкалась, но по-прежнему действовала вслепую, без вожака. Из темноты прилетел камень; он просвистел мимо Дерек, ударился о каменную стену дворца и упал почти у моих ног.

Дерек даже не шелохнулся. Он невозмутимо смотрел вниз, словно оратор, выжидающий, пока утихнет шум, прежде чем начать речь.

Гвардейцы на площадке прямо под балконом тоже во все глаза смотрели на него – ошарашенные и испуганные. Справа под углом уходило крыло здания, увенчанное башней; она возвышалась над нашим балконом еще футов на сто. На огороженной площадке у самой вершины башни я разглядел силуэты других стражников, которые тоже замороженно глядели на Дерек. Безудержный звон набата наверху внезапно прекратился.

Позади себя я услышал гневный голос короля:

– Что ты делаешь? Как ты смеешь?!

Дерек резко развернулся:

– Дурак! До чего ты довел страну! Твой собственный народ восстал против тебя...

Столь дерзкие слова привели монарха в ярость:

– Да как ты смеешь! Это же измена!

Я напрягся, по-прежнему сжимая в руке кинжал. Стычки во дворце было не избежать, и я чувствовал, что она начнется с секунды на секунду. В голове промелькнула мысль о металлическом цилиндре, который прятал Дерек. Это оружие? Но почему же он не достает его сейчас? Впрочем, его глаза горели прежней уверенностью. От его внушительного, властного вида мне самому стало спокойнее. Я сделал шаг к нему.

Он едва заметно улыбнулся:

– Подожди, Чарли.

Король снова задохнулся от гнева:

– Как ты смеешь?! Да ведь это измена! Робар, взять его!

Хоуп стояла рядом со мной, зорко следя за происходящим в комнате. Робар сделал широкий шаг вперед. Дерек процедил сквозь зубы:

– У тебя-то голова на плечах есть! Уведи Его Величество. Побудь с ним, пока все не закончится.

Они обменялись колючими взглядами. И на лице Робара проступило странное, зловещее выражение. Губы его искривились в ехидной усмешке. Он резко повернулся к королю:

– Думаю, стоит позволить ему попробовать, Ваше Величество. Что мы теряем?

Он кивнул, и вперед выступила Сенсуа. Багряная убийца! Ее соблазнительное тело скрывал красный плащ. Накрашенные тяжелые губы изогнулись в улыбке, обращенной к королю. Она ласково обвила его шею своими белыми округлыми руками:

– Леонто, послушай Робара. Пусть этот чужак попытается. Хуже все равно не будет.

Король уступил ее ласкам. Я молча наблюдал, как она и Робар уводят безвольного монарха под арку, ведущую в соседние покои.

Неудивительно, что Робар так злорадно улыбался! Дерек сам того не ведая сыграл ему на руку. Мы тогда еще не знали этого, но очень скоро нам предстояло во всем убедиться.

Глава 9. "Александр..."

Дерек снова повернулся к балкону. Передышка оказалась недолгой. Толпа в саду, солдаты на верхней площадке лестницы и стражники высоко на мостике башни застыли, не сводя с него глаз. Когда Дерек появился, крики вспыхнули с новой силой. Он вновь вскинул руки. На сей раз его голос прозвучал как набат:

– Тихо! Я ваш друг! Тише!

Поначалу его никто не слушал, но тут кто-то выкрикнул в толпе:

– Да тише вы! Послушайте его! Дайте ему сказать!

Рев толпы понемногу утих. Колокол молчал. В наступившей тишине раздался звучный голос Дерекса:

– Я ваш друг. Я пришел из далеких краев, из неведомых стран, где живут необычные люди и правит диковинная магия.

В ответ толпа недовольно взвыла и пришла в движение. Вверх полетел один камень, за ним второй. Дерек стоял неподвижно, точно статуя, взирая на них сверху вниз.

– Я приказываю вам разойтись! Вы не желаете повиноваться? Тогда смотрите на меня! Смотрите внимательно! Моя воля – закон, стоящий выше этого короля, выше дворцовой стражи и любой силы, которую вы когда-либо знали.

И тут я понял замысел Дерекса! Он нажал на кнопку механизма на запястье. Он выпрямился, властно воздев руки. В саду поднялся невероятный шум, но уже мгновение спустя все стихло. Толпу захлестнула волна ужаса. Леденящего, непередаваемого ужаса. Люди оцепенели, потрясенные, безмолвные, охваченные расползающимся страхом.

Фигура Дерекса на балконе начала бледнеть, источая призрачное свечение. Перед толпой стоял бесплотный дух, колышущийся фантом. Дерек истончался, пока почти совсем не растворился в воздухе, а затем, переключив механизм в обратную сторону, вновь начал обретать плоть. Секунда – и он снова стоял перед ними из плоти и крови.

Его голос прогремел над садом:

– Теперь вы будете мне повиноваться? Я друг простых тружеников!

Люди пали ниц. Нет страха более жуткого, чем страх перед сверхъестественным. За всю историю нашего мира не было более рабского поклонения, чем трепет первобытных народов перед их божествами. Гвардейцы на площадке под балконом в ужасе смотрели вверх. А затем и они рухнули ниц, сломленные угрожающими жестами Дерекса и его повелительным тоном.

И вдруг один человек из коленопреклоненной толпы вскочил на ноги. В гробовой тишине его изумленный крик разнесся по всему саду:

– Александр! Это же наш принц Александр! Наш потерянный принц!

Он стоял, не сводя глаз с Дерекса и указывая на него своим товарищам. Он закричал еще громче:

– Наш законный король вернулся! Неужели вы не узнаете его?! Я сам видел, как он уходил! Он исчез точно так же – растаял, словно призрак. Это было десять лет назад, когда Леонто убил его отца и убил бы самого принца, если бы тот не сбежал!

Толпа поднялась с колен. Они узнали Дерекса! В этом не было никаких сомнений. Сад взорвался громогласным ликованием:

– Александр! Наш потерянный принц вернулся!

У меня голова пошла кругом. Дерек – принц этого мира?! Но теперь я видел, что все сходилось. Мальчишкой он сбежал отсюда, когда трон захватил узурпатор. И вот теперь вернулся взрослым мужчиной, чтобы заявить права на корону.

Дерек резко обернулся ко мне и ободряюще улыбнулся.

Шум из сада заглушал любые слова. Люди скандировали: "Александр! Наш потерянный принц!"

Гвардейцы короля на нижней площадке стояли растерянные и угрюмые. Вдруг позади себя я услышал торопливые шаги. Я резко развернулся.

Из залы прямо на меня неслась свора приближенных Робара в красных плащах! Их мечи были обнажены. Один из них истошно орал:

– Смерть им! Кончаем с ними прямо сейчас!

Их было пять или шесть человек. Они находились всего в десяти шагах от меня и стремительно приближались.

Я загородил собой оконный проем, сжимая в руке лишь жалкий кинжал.

– Дерек! Дерек! – закричал я.

Отступив на шаг, я оказался на самом балконе. Меня пронзила паническая мысль: мы с Дерекком загнаны в ловушку!

Первый из нападавших в красном плаще ворвался на балкон. Я уклонился от взмаха его меча. Остальные теснились за его спиной.

Но тут Дерек с силой оттолкнул меня в сторону. Я едва не полетел кувырком, но сумел удержаться на ногах, ухватившись за перила балкона. Нас окружили пятеро багряных дворян. Дерек бесстрашно преградил им путь. Его суровый вид заставил их помедлить. Они замерли с направленными на него мечами. Внизу воцарилась мертвая тишина – толпа в саду во все глаза глядела вверх. И в этой тишине прогремел яростный рев Дерека:

– Назад! А ну пошли вон обратно в комнату! Живо, не то я убью вас всех!

В правой руке Дерек сжимал металлический цилиндр, нацеленный прямо в грудь нападавшим.

– Назад, я сказал!

Но они всё же бросились на него. Вспыхнула ослепительная вспышка. Из цилиндра вырвался сноп серебристого света, похожий на тонкий луч. Он мгновенно настиг троих шедших впереди мужчин. Их мечи со звоном посыпались на пол балкона. Сами они застыли на месте как вкопанные.

Прошла секунда. Смертоносный серебряный луч Дерека скользил по их телам. Красные плащи окрасились неестественным серебристым сиянием.

Они начали таять! Я ошарашенно вытаращил глаза. Остальные вельможи, не попавшие под удар луча, в ужасе попятнулись. Они тоже застыли, оцепенев от страха.

Еще мгновение – и три фигуры пошли рябью. Я успел разглядеть лицо одного из них: на нем застыла гримаса дикого, безумного ужаса. Лицо становилось прозрачным! Оно стиралось, и лишь широко распахнутые глаза указывали на то, где оно только что было.

Какое-то мгновение трое пораженных лучеметом мужчин стояли словно мерцающие призраки под смертоносным сиянием оружия Дерека. А затем они просто исчезли. В самую последнюю секунду мне показалось, будто они провалились сквозь каменный пол балкона...

Дерек выключил луч.

– Быстро в комнату, кому говорю! – процедил он сквозь зубы.

Уцелевшие дворяне в панике бросились наутек. Дерек снова подошел к перилам балкона.

– Мой народ! Да, я Александр. Я не думал, что вы так быстро узнаете меня. Но вы правы – пришло время вернуть то, что принадлежит мне по праву. И я буду править справедливо!

Он все еще сжимал в руке цилиндр, зорко оглядывая комнату позади себя. Я вспомнил о Робаре. Тот ушел в соседние покои вместе с королем. Видели ли они нападение на Дерека? Но наверняка слышали, как толпа скандировала имя Александра. Странно, что они до сих пор не появились.

Вспоминая те минуты на балконе, я вдруг ловлю себя на мысли, что в тот момент совершенно забыл о Хоуп. Перед самым нападением она стояла рядом со мной. Теперь ее нигде

не было видно. Я встревожился, но следующая секунда вымела все мысли из моей головы. Из глубины дворца донесся пронзительный женский крик. Девушка кричала, а затем истошно завопила:

– Король мертв!

Дерек бросился ко мне:

– Чарли, это же...

Крик повторился:

– Король мертв!

Мы ворвались в смежную залу. Нам никто не препятствовал – во дворце не осталось никого, кто посмел бы перечить Дереку. Перепуганные дворяне падали перед ним на колени:

– Александр, пощади нас! Мы верны тебе!

Дерек пролетел мимо них. В соседнем кабинете мы обнаружили распростертого на полу короля. Из раны на его горле толчками изливалась багровая кровь. Судя по всему, он лежал здесь один, пока на него не наткнулась зашедшая служанка. Король был еще жив. Дерек склонился над ним. Леонто приоткрыл глаза.

Он слабо прохрипел:

– Робар... убил меня. Робар и эта... проклятая Багряная Сенсуа...

Голос его затих. Взгляд остекленел. Дерек бережно опустил его голову на пол.

И будто в подтверждение ужасной вести, колокол на дворцовой башне заунывно зазвонил. На сей раз это был не частый набат, а мерный, погребальный звон. Толпа внизу сразу все поняла. До нас долетели крики:

– Смерть! Смерть пришла!

Дерек поднялся, его глаза горели яростным огнем:

– Развязка близка, Чарли! Я не хотел, чтобы все обернулось именно так, но...

Он не договорил. Резко развернувшись, он бросился обратно на балкон. Внизу вновь поднялось смятение, толпа бурлила, выкрикивая:

– Король мертв!

На краю сада сквозь общий гомон прорезался визгливый, истеричный женский смех.

Дерек прокричал:

– Да, король мертв! – Он выдержал паузу и добавил: – Если вы признаете меня... если вы верны мне... я взойду на престол!

Его слова потонули в восторженном реве:

– Александр! Король Александр!

Он вскинул руки, призывая к тишине, но толпа не унималась:

– Король умер! Да здравствует король Александр!

Ликующий клич прокатился по саду, эхом отдаваясь в стенах замка. У главного входа угрюмо переминались с ноги на ногу солдаты Леонто.

Дерек стоял, празднуя триумф. Его руки были простерты над толпой ладонями вниз. Но вдруг на круговом мостике у самой вершины башни началось какое-то движение. Стражники попятились назад, освобождая место для новых действующих лиц. Я замер как вкопанный, не веря собственным глазам. На самом верху стоял огромный мужчина в кожаных одеждах, за широкий пояс которого был заткнут меч. Упрямая круглая голова, тяжелое лицо, устремленное вниз...

Робар!

А перед собой он держал хрупкую девушку. Хоуп! Он крепко прижимал ее к себе, обхватив мускулистой рукой за грудь. С замиранием сердца я понял, что произошло. В суматохе Хоуп отошла от меня. Все в комнате были увлечены Дерекком. Робар, хладнокровно прирезав короля, незаметно пробрался в комнату, схватил Хоуп, зажал ей рот и утащил на башню.

А ведь я обещал Дереку уберечь эту девушку от беды! Ужас и чувство вины захлестнули меня, парализовав волю. Я не мог ни думать, ни шевелиться – лишь стоял и тупо глядел вверх. Робар прикрывался Хоуп как щитом. Низкие перила едва доходили ей до колен. Один неверный шаг – и она полетит на камни сада с огромной высоты. Он сжимал ее мертвой хваткой, и в его свободной руке зловеще сверкнул кинжал, прижатый к белоснежному горлу девушки. Робар закричал:

– Тихо там, внизу! Александр, ты предатель! Молчать всем!

Дерек поднял голову. Победное выражение лица мгновенно сменилось маской отчаяния. Он смотрел на башню, потрясенный. Толпа внизу тоже притихла. Гвардейцы на нижней платформе перестали кричать и уставились на новых актеров, столь неожиданно занявших сцену. Робар снова закричал, на сей раз обращаясь к страже:

– Я говорю от имени вашего короля Леонто! Этот Александр – изменник для всех нас! И он бессилен против меня! Я бросаю ему вызов! Посмотрите на него! Пусть попробует применить свое проклятое оружие!

Дерек безмолвствовал. Одно лишнее движение – и кинжал Робара перережет горло Хоуп. Смертоносный луч Дерека был здесь бесполезен: выстрели он сейчас, и луч испепелил бы Хоуп вместе с ее мучителем.

Увидев нерешительность Дерека, солдаты короля приободрились. Один из них крикнул:

– Он ничего не может нам сделать! Смотрите, он струсил!

Люди в саду узнали Хоуп. Они стали выкрикивать ее имя:

– Господин Робар, не губите нашу Хоуп!

– Я не трону ее! Но только если вы сделаете то, что я скажу! Убирайтесь из сада, расходитесь по домам! А я сам разберусь с этим предателем!

Он повернулся к страже:

– Ступайте наверх и схватите его! Он вам ничего не сделает! Схватите изменника! Если он не сдастся или если чернь посмеет напасть на вас, я убью Хоуп!

Дерек стоял, мертвой хваткой вцепившись в перила балкона. Под пристальным взглядом Робара он не смел даже шелохнуться. Я же стоял чуть поодаль, в полумраке комнаты, прямо за спиной Дерека. Обо мне никто не думал. Снаружи меня не было видно. И вдруг я, до сих пор бывший лишь пассивным наблюдателем, провалившим свое единственное поручение, отчетливо понял, какова моя роль. Мой выход. Моя партия в этой безумной драме.

Я отступил назад, вглубь темной залы. Несколько испуганных придворных и служанок все еще толпились здесь, прильнув к окнам и завороченно глядя на разворачивающуюся на улице трагедию. Никто не обратил на меня внимания, но я уже точно знал, что должен делать.

Я развернулся и опрометью бросился из залы в полутемный, опустевший коридор замка.

Глава 10. Моя роль

Я скользил тенью по почти пустым коридорам. На нижнем этаже я обнаружил, что многие гвардейцы отступили внутрь здания; они кучковались в проходах, ожидая вестей от своих товарищей на платформе, чтобы понять, что делать дальше. Времени у меня было в обрез: я понимал, что через считанные минуты они ринутся наверх, чтобы скрутить Дерека.

Я замер у стены неподалеку от главного входа, укрывшись густой тенью. Выбраться наружу я не мог – там было слишком много солдат.

Я старался мысленно ориентироваться в пространстве. Крыло, на котором высилась башня, находилось примерно в двухстах футах от меня. Если я не мог выйти на улицу, придется пробовать изнутри, продвигаясь по этому коридору. Я молил бога, чтобы не ошибиться. Я пытался точно рассчитать, где именно должна находиться башня.

В коридоре царил полумрак, и в этом крыле замка в тот момент, к счастью, никого не оказалось. Я дошел до угла и повернул налево. Из оружия у меня был только кинжал. Я обнажил его. Но мне никто не встретился. Я миновал двери множества пустых комнат. Все окна на этом нижнем этаже были забраны решетками. Снаружи доносились яростные крики толпы.

Наконец я добрался до конца крыла. Каменная лестница здесь вела наверх. Я прикинул, что нахожусь прямо под башней, и эта лестница наверняка вела прямо в нее. Я поднялся на несколько ступеней, чтобы проверить свою догадку. Все подтвердилось. Робар переманил на свою сторону солдат, которые находились здесь. Он отослал их вниз с мостика башни, и теперь они охраняли эту лестницу.

Я крадучись поднялся еще на несколько ступеней, стараясь не издавать ни звука. Сверху доносились их голоса. Там горел свет. Я видел ноги некоторых из них – они плотно заправили ступени. Я тихо отступил назад.

Пробиться в башню отсюда было невозможно. Один, вооруженный лишь кинжалом, я не мог ринуться вверх по лестнице на дюжину вооруженных до зубов людей; тем более что любой поднятый мной шум мог напугать Робара на верхотуре, и тот с перепугу прирезал бы Хоуп.

Я замер на мгновение, лихорадочно соображая и обдумывая свои действия. Меня била крупная дрожь. Теперь все зависело только от меня. Я должен был во что бы то ни стало проникнуть в башню. И главное – нужно было спешить.

Я спустился обратно на нижний этаж. По моим ощущениям, я все еще находился футах в двадцати над землей. Слишком высоко. В десятке шагов дальше по коридору я заметил лестницу, ведущую вниз, в подвалы замка на уровне земли. Я мысленно зафиксировал, куда именно повернул и какое расстояние прошел. Затем спустился по ступеням.

Там была пустая полуподвальная комната. В ней царила крошечная тьма. Я лег прямо на земляной пол. Я мысленно воссоздал расположение башни: она находилась чуть выше меня и в нескольких шагах в стороне. По меньшей мере футов сто пятьдесят вверх до того самого мостика–балкона, где Робар удерживал Хоуп. Я сосредоточился на этой картине, молясь, чтобы не ошибиться в расчетах.

Еще я молил о том, чтобы удача оказалась на моей стороне. Это был отчаянный, безумный риск, но я примерно представлял, что находится на этом самом месте в моем родном Нью-Йорке. Лежа на боку в абсолютной темноте, я нажал на кнопку механизма на запястье...

Началось уже знакомое мне ощущение перехода. Тьма вокруг заструилась светом. Тени начали обретать очертания. Мое тело вибрировало, содрогаясь от внутренних колебаний. Мне казалось, будто земля под моими ногами плавится. Голова закружилась. К горлу подкатила тошнота, но я отчаянно пытался сохранить ясность мысли. Я должен был следить за этим новым Пространством, куда перемещался. Пространством? О, как я молился, чтобы здесь, на

этой точке в Нью-Йорке, оказалось свободное место! Если бы возникла хоть малейшая преграда, я был готов мгновенно отключить механизм при первых признаках опасности.

Тени вокруг сгущались. Какое-то мгновение мне казалось, будто я парю в невесомости. Полная потеря веса. Мое тело словно повисло в пустоте – неосязаемое, невесомое, удерживаемое от распада лишь моим отчаянно борющимся разумом...

А затем я почувствовал, что материализуюсь. Вокруг начали вырисовываться стены. Я опустился на фут-другой и мягко приземлился на новый пол. Моя рука коснулась его. Физические чувства возвращались. Я нащупал бетонную поверхность. Рядом струился слабый, зыбкий свет, очерчивая прямоугольник окна. Кругом царила тьма. Пустая темнота, нарушаемая лишь глухим гулом работающего механизма...

Я находился внутри здания, в какой-то комнате. Внезапно я почувствовал себя почти нормально, если не считать непрекращающейся вибрации. Я снова щелкнул выключателем. Меня пронзил резкий толчок. Сознание помутилось, но затем я сел; голова прояснилась. Тошнота отступила.

Я вернулся в свой мир, в Нью-Йорк. Стояла ночь. Я попытался прикинуть время. Мы с Дерексом ушли около полуночи. Значит, сейчас было предзвездное время. Я лежал в подвальной комнате на цементном полу. Под самым потолком виднелось окно, из которого лился слабый уличный свет. В этом тусклом свечении я разглядел ящик для угля, несколько бочек и дверь в соседнюю комнату, похожую на ремонтную мастерскую.

Я сел и принялся высчитывать координаты. Я находился примерно в тысяче футов от Бэттери-парка и в двухстах футах от реки Гудзон. Это было офисное здание, а я находился в одном из его подвальных помещений на уровне земли.

Скоро рассвет? Я попытался представить, что находится прямо надо мной. Пустующее офисное здание. Для уборщиц еще слишком рано. Лифты, скорее всего, не работают. Я мысленно усмехнулся. Да и какой прок мне от лифта, даже если бы он работал? Как бы я, ночной бродяга, появился из подвала этого здания и потребовал поднять меня наверх! Лифтов нет, но наверняка есть ночные сторожа. Мне нужно избежать встречи с ними.

Я нащупал дверь. Сердце испуганно екнуло от мысли, что она заперта, но засов поддался. Я скользнул в коридор и нашел лестницу. Прошел два пролета. Я снова постарался сосредоточиться на Пространстве. Замер и тщательно все взвесил. Мой план был предельно ясен: я не делал ни единого шага без точного расчета. Башня с Робаром все еще оставалась слева от меня, практически прямо надо мной.

Я поднялся по короткой каменной лестнице и осторожно приоткрыл еще одну дверь. Я оказался в полутемном вестибюле первого этажа офисного здания, прямо у неработающих лифтовых шахт. В нише по другую сторону шахты на столе ночного дежурного горела лампа. Сам он сидел спиной ко мне. Я бесшумно притворил дверь.

Лестница, идущая вверх рядом с лифтом, была прямо передо мной. Выждав удобный момент, я проскользнул за угол и побежал наверх. Мне никто не встретился. На каждом этаже бетонной лестничной клетки горела тусклая лампочка. Четвертый этаж. Нет, слишком мало! Я приоткрыл дверь четвертого этажа. Мраморный коридор офисного здания был пуст и безмолвен. Ряды запертых дверей кабинетов с золочеными названиями фирм и номерами. Единственный тусклый светильник озарял это безмолвное царство пустоты...

Я вернулся на лестничную клетку и стал подниматься выше. В руке я по-прежнему сжимал кинжал. Чарли Уилсон, скромный клерк из брокерской конторы на Уолл-стрит, крадется в ночи! И в какое же невероятное приключение я ввязался!

Наконец я добрался до нужного, как мне казалось, этажа. В коридоре я выбрал одну из дверей. Она была надежно заперта. Взломать замок у меня бы не вышло, но дверная панель была сделана из матового стекла. Придется рискнуть и пошуметь. Я бросился в конец коридора,

где на стене в креплении висел пожарный топор с красной рукоятью. Схватив его, я вернулся и с размаху обрушил на стеклянную панель.

Услышит ли меня сторож? Выяснить это времени не было. Топором я быстро оббил острые осколки стекла по краям рамы и пролез в проем. Я сильно порезал руку, но даже не обратил на это внимания.

Я очутился в полутемном, тихом офисе с коврами на полу, расставленными письменными столами, картотечными шкафами, кулером для воды и сейфом в углу. Я бросился к одному из окон. Оно выходило на Бэттери-парк и залив. Звезды еще сияли на небе, но на востоке, над Бруклином, они уже бледнели в лучах приближающегося рассвета. Я посмотрел вниз, пытаюсь определить высоту. Да, примерно то же самое. И положение правильное. Я различал очертания берега, силуэты деревьев в Бэттери-парке, оживленную гавань, которая даже в этот предрассветный час пестрела ходовыми огнями судов.

Все это я видел собственными глазами, но мысленным взором я созерцал разрушенный, опустевший павильон и сады замка Леонто. Разъяренная толпа должна находиться прямо под мной. Вход во дворец – слева, внизу на улице, где припаркованы те такси. У входа в офисное здание внизу поднялась какая-то суета. Теперь-то я знаю, в чем было дело, но в тот момент не обратил на это внимания. Крыло замка находилось прямо под мной. А здесь должна быть башня. Ее верхний ярус или балкон – прямо там, где я сейчас стоял. Я молил небо, чтобы так оно и было. Мой разум буквально воссоздавал эту картину во всех деталях.

Я лег на пол у самого окна. В коридоре слышались тяжелые, торопливые шаги. Очевидно, один из ночных сторожей услышал звон разбитого стекла.

Я тихо рассмеялся и нажал на рычажок механизма на запястье...

Глава 11. Схватка на балконе башни

И снова меня захлестнули знакомые ощущения. Офис растаял в воздухе. Я не знал и, честно говоря, мне было плевать, застали ли вошедшие сторожа мой призрачный силуэт на полу. Меня увлекло в водоворот теней. Через секунду я вынырнул из черного безмолвия. Офисная комната исчезла. Казалось, я упал или плавно опустился вниз – не знаю, на сколько именно футов. Меня захлестнуло торжество. Я лежал на другом полу. Вокруг материализовался дверной проем. Я оказался не на самом балконе, как рассчитывал, а внутри башенной комнаты. Вокруг выросли новые каменные стены.

На сей раз я проигнорировал дискомфорт перехода. Я был слишком сосредоточен на том, в какую обстановку сейчас попаду. Башенная комната. Теперь я видел ее отчетливо: овальные окна совсем рядом, дверной проем, ведущий на балкон. На меня обрушились звуки, смешиваясь с глухим гулом работающего во мне механизма. Знакомые звуки. Рев толпы. И один отчетливый голос – голос Робара. Сначала смутный и неразборчивый, по мере моей материализации он становился все яснее.

Внезапно я понял, что в комнате я не один. Рядом стоял гвардеец. Он увидел, как я возник буквально из воздуха, и в ужасе отпрянул. Я щелкнул выключателем на запястье. Мгновенно вскочив на ноги и пошатываясь, я прыгнул на него. Мой кинжал вонзился ему прямо в грудь.

Меня передернуло от ужаса содеянного. Голова закружилась от подкатившей тошноты, но когда солдат рухнул, я пересилил себя, мертвой хваткой вцепился в рукоять кинжала и с силой выдернул его. Клинок был по рукоять в крови.

Я стоял, дрожа всем телом. В этой небольшой башенной комнате больше никого не было. Я повернулся к двери. В проеме виднелся лоскут неба со звездами, бледневшими в предрасветных сумерках. Я пригнулся у низкого дверного проема, ведущего на балкон, всматриваясь и лихорадочно оценивая обстановку. Картина почти не изменилась. Разве что часть стражников покинула нижнюю платформу у входа – без сомнения, они ушли во дворец, чтобы подняться по лестнице и схватить Дерека.

На этом верхнем балконе, всего в десяти футах от меня, Робар все еще удерживал Хоуп. Девушка стояла перед ним. Он стоял ко мне спиной. Один резкий прыжок – и я смогу вонзить кинжал ему в спину.

Робар громогласно вещал:

– Король Леонто мертв! Если вы хотите, чтобы я наследовал ему, я сделаю эту девушку, Хоуп, своей королевой. Вы ведь все любите ее...

Я напрягся, готовый к прыжку. И тут на краю балкона я заметил притаившуюся Сенсуа. Ее багряное одеяние распахнулось, обнажая белые ноги. Рука женщины шарилась в складках плаща. Она была лишь пешкой в игре Робара, и теперь наконец осознала это. В руке у нее блеснул нож. Обезумев от ревности и ярости, она бросилась на спину Робара, пытаясь ударить Хоуп.

Возможно, он почуял ее приближение или услышал шорох, а может, она просто действовала слишком неумело. Нож лишь слегка задел плечо Хоуп. Робар выпустил девушку. Издав яростный рев, он развернулся и мертвой хваткой вцепился в безумную нападавшую. Секунду – другую я оцепенело наблюдал за этой сценой. Он перехватил запястье Сенсуа, выкрутил нож и вонзил его ей прямо в грудь. С пронзительным криком она рухнула к его ногам, и когда он выпрямился, его взгляд упал на меня.

Но я уже прыгнул. Я обрушился на него всем телом. Его собственный кинжал остался в груди Сенсуа. Когда я в прыжке занес свое оружие, он перехватил мое запястье и выкрутил его, но я успел отбросить кинжал прежде, чем он завладел им. Клинок полетел вниз, за перила

балкона. Сила моего броска повалила Робара навзничь, но его задержали перила. Он обхватил меня своими ручищами. Мощные тиски сдавили мои ребра. Я вцепился ему в горло.

На миг мне показалось, что мы оба перелетим через ограждение. Рядом я мельком увидел Хоуп и услышал ее испуганный крик. Но мы не упали: Робар дернулся и увлек меня за собой назад. Мы рухнули на пол балкона и покатались, сцепившись в глухой клубок. Он был куда сильнее и тяжелее меня, и вскоре подмял меня под себя. Мощным рывком он разомкнул мои пальцы у себя на горле, но я был юрким и выскользнул из-под него и почти успел подняться на ноги. Он уже стоял на одном колене, пытаясь выхватить меч. Я снова навалился на него, отчаянно пинаясь и царапаясь. Он взревел как раненый бык. Не обращая внимания на мои цепкие пальцы и град беспорядочных ударов, он поднялся во весь рост, увлекая меня за собой – я по-прежнему мертвой хваткой держал его за шею.

Робар оторвал меня от земли. Я понял, что он вытащил меч, но мы сцепились слишком крепко, чтобы он мог пустить оружие в ход. Под моим весом он покачивался, точно пьяный; его движения стали хаотичными. Мы снова налетели спиной на перила. И снова я услышал отчаянный крик Хоуп и краем глаза увидел, как она бросилась к нам. Робар нагнулся, пытаясь ухватиться за низкое ограждение. Из-за этого мои ноги коснулись пола. Собрав последние, отчаянные силы, я толкнул его назад. Когда он начал заваливаться через перила, я попытался разжать его пальцы, которыми он цеплялся за меня. Я почувствовал, что мы оба летим в бездну, но в этот момент мне на помощь пришла Хоуп. Ее руки мертвой хваткой обвили мою талию. Ее рывок вырвал меня из объятий великана. Огромное тело Робара сорвалось вниз...

Какое-то мгновение Робар еще балансировал на краю, а затем рухнул. С высоты донесся его протяжный, полный агонии крик. Я не стал смотреть вниз. Я обессилено опустился на колени у перил. Толпа в саду, Дерек на соседнем балконе, гвардейцы, появившиеся за его спиной – все замерли в гробовом молчании. И в этой тишине раздался жуткий, глухой удар упавшего тела...

На секунду я прижал к себе Хоуп, она дрожала всем телом. Вокруг снова поднялся невообразимый хаос. Я отпустил девушку и вскочил на ноги. Подойдя к перилам, я поднял руки и замахал Дереку. На его лице отразилось крайнее изумление, но он ответил на мой жест. За его спиной стояли стражники, пришедшие схватить его; они замерли, потрясенные новой трагедией.

Дерек резко повернулся к ним. Теперь он не был беспомощным!

– Прочь! – крикнул он.

Цилиндр в его руке угрожающе нацелился на гвардейцев, и те в ужасе попятились. Дерек промчался мимо них и скрылся в глубине дворца.

Хоуп потянула меня за рукав:

– Я хочу поговорить с народом.

Она встала рядом со мной, перегнувшись через перила балкона. Хрупкая, нежная фигурка. Они все прекрасно знали ее. Их любимая Хоуп. В наступившей тишине ее голос прозвучал чисто и звонко:

– Мой народ! Мы все хотим, чтобы к нам вернулся наш любимый Александр. Он здесь. Он наш законный король!

– Король Александр! Да здравствует король Александр!

Вскоре за нашими спинами появился Дерек:

– Боже мой, Чарли! Я ничего не понимаю...

Я быстро объяснил ему, как мне это удалось. Он крепко сжал мое плечо:

– Я никогда не смогу достойно отплатить тебе за это!

Я подтолкнув его вперед, и он встал рядом с Хоуп у перил. Он обнял ее, и она обвила его шею руками, отвечая на поцелуй. Толпа удивленно ахнула, а затем разразилась радостными криками.

Я закричал во весь голос:

– Хоуп станет вашей королевой! Правлению багряных дворян пришел конец!

Буйное ликование толпы, к которому теперь присоединились и дворцовые гвардейцы, взмыло к небу, заглушая мои слова.

Глава 12. Одна бурная ночь

Мой рассказ подходит к концу, и мне почти нечего к нему добавить.

Я вернулся в свой мир. А Дерек остался в своем. Каждому свое; можно сколько угодно сетовать на предначертанную судьбу, но расстаться с ней не так-то просто.

Ученые, исследовавшие механизм, с которым я вернулся, вполне естественно, отнеслись к моим словам со скептицизмом. Дерек очень опасался, что между его миром и моим наладится постоянная связь. Он тогда лишь тихо улыбнулся:

– Твой современный мир слишком агрессивен, Чарли. Я бы не хотел рисковать: вдруг они скопируют мой механизм и сюда вторгнется армия завоевателей?

Поэтому он настроил аппарат так, чтобы тот перенес меня обратно и навсегда отключился. В подтверждение своего рассказа я могу показать провода и электроды, но поскольку они больше не работают, я не могу винить слушателей за их снисходительные усмешки.

И все же у меня есть кое-какие косвенные доказательства. Дерек Мейсон бесследно исчез. А сторож из офисного здания у Бэттери-парка утверждает, что на рассвете того июньского утра услышал звон разбитого стекла. Он нашел дверь офиса с разбитой панелью и топор, валявшийся в коридоре на полу. Ему даже показалось, что у окна на полу лежал призрачный силуэт. Но над его словами лишь посмеялись.

Но есть и другое совпадение. Если вы не поленитесь заглянуть в газетные архивы того времени, то найдете заметку под заголовком "Необъяснимая трагедия у Бэттери-парка". Там говорится, что в то утро на рассвете тела троих мужчин в багряных плащах рухнули с неба прямо на улицу, неподалеку от стоянки такси, личности которых так и не удалось установить. Их внешний вид был весьма причудлив. Кожа казалась странно обожженной. Все трое были мертвы, их тела были изуродованы падением с огромной высоты.

Необъяснимая трагедия. С чего бы кому-то верить, что это были те самые трое багряных дворян, которых Дерек испепелил своим загадочным лучом?

Я всего лишь Чарльз Уилсон, клерк из брокерской конторы на Уолл-стрит. Встреть вы меня на улице, вы бы увидели во мне самого обычного, прозаичного человека. Вы бы ни за что не поверили, что я вообще способен на отчаянные подвиги. И все же в моей жизни была эта одна странная, бурная ночь, воспоминания о которой я буду бережно хранить до конца своих дней.

1930 год

Похищенный разум

Милтон Л. Стейли

– Что заставило вас откликнуться на наше объявление? – Оуэн Квест почувствовал, как серые глаза, быстрые и холодные, точно стальные буравчики, впились в него через письменный стол.

– А зачем люди вообще ищут работу? – ошетинился он.

Кин Клейсон нетерпеливо улыбнулся.

– Полноте! – сказал он. – Я вовсе не пытаюсь поймать вас в ловушку. Но в моем объявлении были странности, и появились они там не случайно – мне нужен был необычный человек. Чтобы оценить ваши способности, я должен понять, чем именно вас зацепило это предложение.

– Тут всё просто, – кивнул Квест, – и никаких тайн здесь нет. Во–первых, я знаю, что "Исследовательская корпорация Клейсона" – ведущее предприятие в своей области. Во–вторых, мне показалось, что это отличный шанс быстро раздобыть кругленькую сумму.

– Прекрасно, – отозвался Клейсон. – И вы полагаете, что подходите нам по всем статьям?

– Безусловно. Мне двадцать четыре года, я атлетического сложения, человек серьезный и решительный. К тому же я совершенно одинок и готов пойти на любой разумный риск ради блага человечества.

Клейсон одобрительно улыбнулся.

– Вы упомянули, что вам нужны деньги. Сколько требуется прямо сейчас?

Квест не ожидал такого прямого вопроса.

– Тысяча долларов, – рискнул он назвать цифру.

Клейсон без колебаний отсчитал из бумажника десять стодолларовых банкнот и выложил их на стол.

– Вот ваш аванс. Надеюсь, вы готовы приступить немедленно?

– Разумеется, – пробормотал Квест.

Ошеломленный стремительностью сделки, он сидел, не сводя глаз с нетронутых денег.

Взять их – все равно что подписать контракт не читая. Но ведь он сам назвал сумму, и отступать поздно. Да и промедление могло вызвать у Клейсона подозрения. А тот уже отвернулся и открывал дверцу стального шкафа. На размышления оставалась секунда... Квест сгреб банкноты и сунул их в карман.

Клейсон с величайшей осторожностью водрузил на стол два предмета. Один показался Квесту миниатюрной радиовышкой или причальной мачтой для дирижаблей. Второй представлял собой круглый чан из какого–то черного материала, скорее всего, графита. Внутри него на металлических кольцах висели концентрические слои органической ткани, а в наружном желобе выстроились четыре закупоренные колбы с разноцветными жидкостями.

– Взгляните на эти модели внимательнее, – произнес Клейсон. – Перед вами два величайших открытия всех времен. То, что слева – самое разрушительное оружие, известное человечеству. Второе я считаю величайшим созидательным прорывом в истории науки. Возможно, оно даже позволит постичь саму природу жизни и судьбу души после смерти. Оба прибора мы создали вместе с братом Филиппом, но наши мнения о том, как их использовать, разошлись. Филипп... – изобретатель перешел на шепот, – хочет продать секрет "Проектора смерти" – вон той вышки – как орудие войны. Если я позволю ему это сделать, с лица земли могут исчезнуть целые народы!

– Но как? – спросил Квест. – Я слышал о так называемых "лучах смерти". Это они?

– Нет, что вы, – презрительно отмахнулся Клейсон. – Даже доведенный до ума лучевой аппарат – детская игрушка по сравнению с Проектором. Наше изобретение основано на том, что сфокусированные невидимые световые лучи определенной длины волны убивают все

живое. Более того, если синхронизировать их с короткими радиоволнами, разрушительный эффект становится абсолютным. Нужной концентрации невидимого света мы добиваемся с помощью теллурического фильтра тока под воздействием сменяющих друг друга вспышек красного и синего. Проектор способен буквально накрывать смертью огромные территории в радиусе до пятисот миль. Только представьте: за какие-то десять минут два человека могут выжечь зону диаметром в тысячу миль или прорубить просеку длиной в пятьсот миль в любом направлении!

– И вы проверяли это на практике? – недоверчиво спросил Квест.

– Да, молодой человек, проверяли! – отрезал Клейсон. – Прямо здесь, в лаборатории, пусть и в крошечном масштабе. Впрочем, сейчас не время для демонстраций. Суть в том, что брат твердо намерен продать изобретение, если сойдется в цене. Он утверждает, будто эта машина не ввергнет мир в катастрофу, а навсегда покончит с войнами, сделав их слишком ужасными для любой цивилизованной нации. Невзирая на мои протесты, он уже начал переговоры с одной амбициозной балканской державой. Сделка может состояться в любую минуту! Однако, – Клейсон глубоко вздохнул, – видите второй прибор? Каким бы простым он ни казался, в нем ключ ко всему. С его помощью мы – вы и я – сможем подчинить волю Филиппа и сорвать эту немыслимую сделку. Только вдвоем нам это под силу. Один я практически беспомощен.

– А почему бы не передать Проектор нашему правительству, чтобы его конфисковали или уничтожили? – предложил Квест. – По-моему, это единственный надежный и верный выход из положения.

– Вы ничего не понимаете! – нетерпеливо нахмурился Клейсон. – Филипп продает чертежи и описания устройства, а не саму машину. Даже если уничтожить эту модель и большой опытный образец, который мы построили, даже если бы я согласился упрятать брата в Ливенворт пожизненно, он все равно смог бы продать Проектор. Но наше второе изобретение, "Осмотический освободитель", позволяет мне взять Филиппа под контроль и буквально переписать его мысли с помощью посредника. Я нанял вас на роль этого Проводника, Квест, потому что вижу в вас редкую силу духа и жизненную энергию. В награду же я обещаю вам и богатство, и блестящее будущее.

Изобретатель замер на самом краешке стула, напряженный, словно наэлектризованный. Его глаза будто излучали невидимые токи, от которых у Квеста забурлила кровь. На мгновение Квест перестал ощущать собственное тело. Ему показалось, будто он открыл потайную дверь и очутился на пороге нового, совершенно неведомого мира. Усилием воли он прогнал это наваждение: перед ним стояла деликатная задача, которую следовало решить в считанные минуты. Как бы он ни поступил, нельзя было предавать правительство – но нельзя и обходиться несправедливо с Кином Клейсоном.

– Скажите, – осипшим голосом спросил Квест, – как именно вы собираетесь меня использовать? В спиритизм я не верю, и медиум из меня никудышный.

Клейсон коротко хохотнул.

– Никакого спиритизма в привычном смысле здесь нет и в помине. Весь этот ваш спиритизм – слепое блуждание в потемках и пустые надежды. Осмотическое освобождение – наука точная, физико-химическая, полная его противоположность. Смотрите, я покажу.

В наружную ячейку Освободителя он вылил фиолетовый флакон, затем наполнил средние и, наконец, в самую внутреннюю плеснул золотисто-зеленую жидкость, напоминающую старинный ликер Шартрез.

– Разделительные мембраны, как вы понимаете, проницаемы для этих сложных растворов. У каждой жидкости свое осмотическое давление, и в обычных условиях они должны проникать друг в друга сквозь перегородки, пока давление не выровняется. Однако я препятствую этому диффузному обмену с помощью антиэлектролиза, который тормозит ионизацию

и создает то, что можно назвать осмотическим потенциалом. Теперь, если Проводник – к примеру, вы – погрузитесь в центральную ячейку, сохраняя при этом физический контакт с Оператором на поверхности жидкости, а затем осмотический потенциал мгновенно сбросят поворотом рубильника, полчища ионов, вырвавшись на свободу из наружных отсеков, устремятся к центральному раствору, где находится катод.

При таких условиях ваше тело превратится в своего рода шестую ячейку, а кожа станет еще одной мембраной в этой цепи. Строго говоря, вы не станете частью электролитической цепи, а лишь обеспечите ее протекание. Ваше тело сработает как катализатор – ускорит химическую реакцию, само оставаясь неизменным. Физически вы не претерпите никаких перемен, но каким-то непостижимым образом – а сама жизнь ведь тоже непостижима – ваш разум перетечет в раствор, тогда как оставшееся невредимым тело пребудет на дне чана в состоянии анабиоза. Если Оператора нет рядом, то для возвращения разума в тело достаточно щелкнуть рубильником обратно на минус, и вы выйдете из чана точно таким же, каким вошли. Но если Оператор на месте и касается вашего погруженного тела, ваш разум не останется взвешенным в растворе, а мгновенно перетечет в его тело и останется там, подчиненный его воле. Однако это осуществимо лишь в том случае, если воля Оператора и Проводника заранее приведены в созвучие. Для этого мы пожимаем друг другу руки, – Квест сжал протянутую ладонь Клейсона, – и пристально смотрим в глаза.

– Как известно, вибрации воли каждого человека уникальны, словно узоры папиллярных линий на пальцах. Но мало кто знает, что частоту вибраций одного человека можно сонастроить с частотой другого.

Вы сознательно ослабляете свою волю, сосредоточившись на том, чего, как вы знаете, хочу достичь я. Постепенно, пока мы остаемся в этом положении, ваши вибрации ускоряются или замедляются, пока не приобретут в точности ту же частоту, что и мои. Тогда между нами возникает созвучие, и когда ваш разум освободится в чане, он перейдет в состояние, позволяющее моему телу поглотить его. И он подчинится моей воле, потому что вы сами настроили его на мою личную частоту. Сразу после переноса начнется короткая борьба – из-за инстинктивного стремления вашей воли взять верх. Но моя, разумеется, мгновенно одержит победу, ведь обе воли будут работать на моей частоте.

Квест скорее почувствовал, чем увидел, как вокруг него смыкается глухая стена тревоги. Он попытался отвести взгляд, высвободить руку из хватки Клейсона. С внезапной тоскливой судорогой под ложечкой он осознал, что сделать это невозможно. Он зашел слишком далеко – дальше, чем имел право любой человек в его положении. Он намеренно ослабил волю, и теперь она, похоже, окончательно покинула его. По спине пробежал колющий холодок, вытянутая рука онемела, ладонь крупно задрожала.

– Великолепно! – воскликнул Клейсон, внезапно отпуская и его руку, и взгляд. – Как я и предвидел, вы способны настроиться на мою частоту почти без усилий. А теперь, пожалуйста, посидите здесь, я вернусь через минуту.

Секунду после того, как закрылась дверь, Квест неподвижно сидел в кресле. Но вот он вскочил и отряхнулся, точно мокрая собака, сбрасывая с себя наваждение. Что-то в Клейсоне одновременно притягивало и отталкивало, действуя на нервы, как раздражающий наркотик, и туманя разум в миг, когда требовалась предельная ясность всех чувств.

Невидимый свет, бесплотные разумы, вибрации воли! Бесплотная эфемерность, которую не пощупать руками. Реально ли все это или бред? Кто такой Кин Клейсон – великий изобретатель или безумец? И окажется ли Филипп настоящим мерзавцем или вымышленным? Позвать на помощь или действовать в одиночку?

Профессиональная гордость твердила: постой, не паникуй раньше времени! Квест постукал костяшками пальцев по столу, подсознательно ожидая, что тот растает под его руками. Осязаемый стук вернул его к реальности, но и заставил вздрогнуть. На дальнем краю стола

стоял лоток для исходящей почты – прямой призыв к действию. Выхватив из кармана клочок бумаги, Квест набросал:

"Шесть-дробь-четыре – 9:45 утра – Нанят. Если не доложу через 48 часов, закручивайте гайки".

Написать адрес на конверте с маркой и опустить его в лоток было делом нескольких секунд. И он едва успел. Стоило ему принять непринужденную позу, как дверь распахнулась и в комнату влетел Клейсон.

– Нужно действовать немедленно, – прошипел изобретатель. – Филипп намерен завершить сделку уже завтра.

Квест невольно выпрямился в кресле. Клейсон ободряюще похлопал его по плечу.

– Всё в порядке, – улыбнулся он. – Я к этому готов. Мы сделаем ход сегодня днем и опережим его на восемнадцать часов. Так, на чем мы остановились? Ах да. Я как раз собирался объяснить, что как только воля Проводника проникает в тело Оператора, тот может перенаправить её в тело кого-то третьего. Теперь понимаете, почему мне требовался человек исключительного склада? Вы, как мой Проводник, должны внедриться в тело Филиппа. Ваша воля должна быть достаточно крепкой, чтобы одолеть его в битве за господство, которая начнется в ту же секунду, как вы вторгнетесь в его плоть. Вы по-прежнему будете подчиняться мне, но вам придется сломить его собственными силами. Я могу направлять вас, но черпать силу вам придется в самом себе. Это понятно?

– Кажется, да, – медленно произнес Квест. – Но что будет со мной, когда вы сорвете замысел Филиппа?

– Это самая простая часть, – улыбнулся Клейсон. – Хотя понятно, что вы тревожитесь. Я просто извлеку вашу волю из Филиппа, верну её в ваше собственное тело и выплачу вам вознаграждение в десять тысяч долларов.

– Вы уверены, что сумеете?

– Абсолютно. Мне достаточно коснуться руки Филиппа, чтобы перехватить вашу волю. Затем я сам погружусь в чан, переведя рубильник на "плюс". Осмотическое действие на миг извлечет обе воли из моего тела. Но одновременное присутствие в растворе двух тел и двух волей вынудит систему прийти к равновесию, и каждая воля отыщет и займет свое собственное тело. И мы с вами выберемся из чана в точности такими же, как сейчас.

– Если бы я не верил, что в этом мире возможно всё, – Квест покачал головой, – я бы сказал, что ваши заявления об этом изобретении – чистой воды нелепица.

– И вас нельзя было бы винить, – с готовностью согласился Клейсон. – Эта игрушечная модель мало кого убедит. Но идите со мной, я покажу вам Освободитель в действии.

Под ковром в кабинете скрывался люк, ведущий на винтовую лестницу. Спустившись, Клейсон отпер еще одну дверь и пошел вперед по узкому, нескончаемо длинному коридору, где изредка горели тусклые электрические лампочки. Вскоре очередная дверь поддалась ловкому движению изобретателя и закрылась за ними с глухим, зловещим стуком. Тьма здесь была настолько крошечной и плотной, что Квесту показалось, будто он ощущает её тяжесть на собственных плечах. По наклону коридора и глухому рокоту машин, который доносился до него по пути, он догадался, что находится под землей, в каком-то помещении в глубине завода.

Когда Клейсон включил верхний свет, у Квеста вырвался тихий взглас. Неудивительно, что темнота казалась сверхъестественной! Даже резкое белое сияние мощной дуговой лампы выглядело жутковато. Ее лучи отражались от жидкостей огромного круглого бака слепящим калейдоскопом красок, тогда как матово-черные стены и потолок поглощали свет так безупречно, что уже на расстоянии вытянутой руки казались несуществующими. Даже бортик, на котором он стоял – край чана, – внушал Квесту обманчивое чувство, будто любой шаг сбросит его в бездонную пропасть.

Но Клейсон сразу же отвлек его внимание, принявшись в своей быстрой, нервной манере тыкать пальцем то туда, то сюда, показывая, насколько точно полноразмерный Освободитель повторяет модель. Устройство было идентичным во всем, за исключением того, что здесь от настенного крепления к центральному отсеку чана тянулась длинная доска, похожая на трамплин, а с ее края к поверхности жидкости спускалась узкая лестница. Перекидной рубильник, закрепленный на стене над основанием доски, очевидно, и управлял электролизом.

– Когда вы переводите рубильник на "плюс", – сказал Клейсон, указывая на выведенный мелом знак наверху, – запускается бурный электролиз, необходимый для освобождения разума. Все остальное время он должен оставаться на "минусе", чтобы поддерживать то сдерживающее противодействие, о котором я вам говорил. А теперь давайте проведем репетицию, чтобы в решающий момент всё прошло без сучка и задоринки.

– Хорошо, сэр, – кивнул Квест, настолько ослепленный сверканием огней, что едва соображал, что говорит.

– Сначала, – Клейсон легко взбежал по ступенькам на доску, – вы проходите к самому краю, вот так, и ступаете на лестницу. Затем спускаетесь в чан. Жидкость подогрета до температуры тела, она не содержит сильных кислот или щелочей, так что не причинит вам ни вреда, ни неудобств. Между тем я держу вас за руку до той самой секунды, пока вы не скроетесь под водой. И в этот миг ваш разум переходит ко мне – понимаете? – готовый к переносу в Филиппа, где он и выступит моим Проводником. Вот как всё просто! Поднимайтесь, прорепетируем движения.

Вступая на этот мостик, Квест ощутил легкую дрожь. Разозлившись на себя, он отогнал дурное предчувствие. Никакого риска тут нет. К тому же рисковать – его повседневная работа, он делал это сотни раз без тени сомнений. Теперь он двигался подчеркнуто быстро, словно желая отойти от сковавшей его против воли робости.

Миновав Клейсона на узкой доске, он без остановок спустился до последней перекладины, в то время как изобретатель, перегнувшись через край, крепко держал его за руку.

– Не стоит здесь задерживаться, – с внезапным раздражением бросил Квест. – Я прекрасно понял, что от меня требуется.

– А я проверяю свои акробатические способности, – добродушно прокричал Клейсон. – Еще секунду.

Он заерзал, делая вид, будто пытается поймать равновесие, но на самом деле лишь маскировал движение свободной руки – он потянулся вверх и нажал потайную кнопку сбоку доски. Трамплин мгновенно подломился в настенном шарнире, и Квест по пояс ушел в осмотический раствор.

– Ради бога, пустите! – закричал он, пытаясь вырвать руку из жилистой хватки Клейсона. – Отпустите меня, вам говорят!

Но Клейсон вцепился в него как клещ, стиснув зубы от напряжения. Мостик резко качнулся вниз, и Квест с громким всплеском скрылся под водой.

Проворный как кошка, Клейсон взобрался по лестнице к основанию мостика, стер и поменял местами меловые знаки, которыми ввел Квеста в заблуждение. Затем со злобной усмешкой он перебросил рубильник на "минус" и повернулся посмотреть, как платформа медленно возвращается на место, а пустая лестница поднимается из воды.

Какое-то время он стоял и смотрел на тускло мерцающие разноцветные кольца своего разделительного чана, точно ведьма над котлом; губы его беззвучно шевелились, а пальцы сжимались и разжимались, напоминая щупальца глубоководного чудовища. Затем, словно очнувшись от чар, он круто повернулся и погасил свет. Когда он спешил по коридору обратно в кабинет, герметичная дверь захлопнулась за ним с грозным свистом уходящего воздуха.

В мгновение ока, пока скованный дух Квеста бился в своей новой оболочке, к нему пришло страшное озарение: он оказался в рабстве у негодяя. Лишенный формы и голоса, он всё

же неистово боролся за свободу – ту самую свободу, которая стала для него насущной потребностью благодаря инстинктам десяти тысяч поколений предков.

Вместе с тем его душила ярость на самого себя за то, что он позволил обвести себя вокруг пальца, как доверчивого школьника. Шарнир платформы, кнопка, спустившая стопорную пружину, бутафорская репетиция, сонастройка воли – шаг за шагом весь коварный замысел теперь предстал перед ним во всей полноте.

Но какова цель этого злодеяния? Ответ напрашивался один. Именно Кин жаждал продать "Проектор смерти", а Филипп пытался сорвать дьявольскую сделку! А ему, Квесту, агенту секретной службы, была отведена роль слепого орудия, призванного эту сделку ускорить.

С беззвучным криком ярости воля Квеста обрушилась на волю Кина. Они столкнулись подобно разъяренным быкам и на неуловимый миг замерли в мертвой хватке. Но две воли не могут на равных правах ужиться в одном теле, к тому же сейчас обе они вибрировали на частоте Клейсона. Квест бросил вызов хозяйской воле и сделал всё, что мог. Натиск отбросил его назад, смял, как морскую пену, и сжал до размеров атома на задворках чужого сознания. Схватка оказалась столь скоротечной и неравной, что уже в следующее мгновение Клейсон почти забыл о присутствии похищенного разума внутри себя. Вспомнить о Проводнике можно и тогда, когда придет пора им воспользоваться.

Вопреки этому подавлению, Квест начал смутно видеть чужими глазами и нечетко слышать ушами, которые ему не принадлежали. Какие-то невидимые щупальца, призрачные каналы связи доносили до него мысленные импульсы хозяйской воли. Он воспринимал эти мыслеформы на редкость отчетливо, но его собственные ответные импульсы были настолько слабы из-за порабощения воли, что Клейсон даже не догадывался о них. Квест не был ученым, чтобы поражаться тому, как бесплотный разум умудряется воспринимать ощущения в чужом теле. Он просто радовался, что тьма и безмолвие начали отступать. Очень, очень медленно он пробуждался к новому виду бытия – к осознанию чужого "Я". Он ненавидел и презирал это "Я", и всё же это было лучше той жуткой пустоты, что поглотила его вначале.

Внезапно, по мере того как свет становился ярче, а звуки отчетливее, в нем затеплилось новое чувство – надежда. Сперва робкая, шептавшая лишь о том, что когда-нибудь, как-нибудь он вырвется из этой темницы. Но она подействовала как вода на иссушенный росток. Его воля распрямилась, расправила невидимые нити и принялась чуть смелее подтачивать давящую глыбу чужой воли.

Тут его ждала новая неожиданность. Он двигался! Вернее, тело Клейсона ехало в каком-то экипаже, который прокладывал себе путь по оживленным улицам. Магазины, здания, автобусы, прохожие – Квест помнил всё это смутно, будто из жизни, прожитой тысячи лет назад. Водитель повернул голову, и его профиль показался Квесту смутно знакомым.

Теперь поток чужих мыслей затопил его собственные. Это были излишки, переливавшиеся через край из разума Клейсона. Они хлынули по каналам, связывавшим две воли, но это движение ощущал один только Квест.

Мысли Кина были заняты братом Филиппом – это Квест понимал отчетливее всего. И там было что-то про телефонный звонок. Да, Кин звонил в полицию, изменив голос и отказавшись назваться. Он сообщил, что человек по имени Филипп Клейсон попал в беду, и указал, где его искать. Потом полиция перезвонила на завод, и Кин разыграл изумление и тревогу. Вот почему он сейчас здесь – едет на встречу с полицией. И он посмеивался – посмеивался про себя, потому что обвел вокруг пальца и Квеста, и полицейских, и потому что сто миллионов долларов были уже почти у него в руках.

Заложив крутой вираж, автомобиль завернул за угол и остановился перед одним из производственных зданий в том районе города, которого Квест не узнавал. Когда Клейсон ступил на тротуар, Квест острее прежнего ощутил свое полное бессилие: он не мог заставить это враждебное тело, в котором позволил себя запереть, дрогнуть хотя бы единым мускулом. В

своей немочи он чувствовал, как сжимается, почти растворяется под небрежным давлением хозяйской воли.

Клейсон мельком взглянул на часы, и к нему с трех сторон одновременно направились трое мужчин. С виду они ничем не отличались от обычных прохожих, но по невидимым каналам до Квеста донеслось: это детективы, и здесь они по предварительному уговору с Кином Клейсоном.

– Какой этаж? – спросил Клейсон с волнением, которое Квест сразу распознал как чистейшее притворство. – Вы уверены, что они его не увезли?

– Не беспокойтесь, – ответил старший детектив. – Переулок и крыша перекрыты. С остальным мы сами разберемся.

На цыпочках они одолели три длинных лестничных пролета в полумраке. Клейсон отставал, словно от страха. Актером он был хорошим: Квест физически ощущал, как тот сжимается и колеблется, крадучись и петляя вслед за сыщиками, как разыгрывает ужас перед грядущим, хотя сам прекрасно знал – и Квест знал, что тот знает! – никакого сопротивления наверху не будет. Филипп сидит там один-одинешенек, именно в таком виде, в каком его оставили нанятые Кином громилы.

На верхней площадке Берк, старший группы, остановился, чтобы отсчитать двери от фасада к тылу.

– Сюда, – шепнул он детине с бычьей шеей, стоявшему прямо за ним.

Тот кивнул и прижался к противоположной стене, пока его товарищи занимали позиции, чтобы открыть перекрестный огонь в комнату, как только вылетит дверь.

Квест отдал бы всё, чтобы пнуть своего хозяина–лицемера, который по–прежнему жался позади, трусливо скрючившись на ступенях и доигрывая фальшивую роль до конца. Но тут дверь с истошным треском рухнула под напором живого тарана, и в проем сквозь тучу вековой пыли ворвались двое других детективов.

– Он здесь! – крикнул кто–то.

– Фил! Фил! – голос Кина Клейсона прямо–таки дрожал от поддельного волнения. Он подбежал к человеку, намертво привязанному к мягкому креслу, которое, в свою очередь, было зажато среди кучи сваленной на хранение мебели.

Но у Филиппа во рту был слишком тугой кляп, чтобы ответить, и, когда Берк перерезал веревки на его груди, он без сил повалился вперед. Его уложили на кушетку, и вскоре он начал приходить в себя под воздействием энергичного массажа, возвращавшего кровь в затекшие конечности. Внезапно он сел и оттолкнул своих спасителей.

– Который час? – тревожно спросил он.

– Час дня, – ответил Кин прежде, чем кто–либо успел открыть рот. Он ласково похлопал брата по плечу, в то время как внутри него Квест так и заходился от негодования. – Боже мой, Фил, какое счастье, что мы успели вовремя. Ты как, не ранен?

– Нет, – буркнул Филипп, – только все тело затекло. Завтра буду на ногах.

– Если вы в состоянии говорить, – вмешался Берк, – расскажите в двух словах, как вы здесь очутились. Вы знаете, кто за этим стоит? Узнали кого–нибудь из этих налетчиков?

Филипп нахмурился и покачал головой.

– Вчера в полдень, – медленно проговорил он, – я вылетел по делам в Кливленд на восьмиместном рейсовом самолете. В салоне было еще трое пассажиров: двое мужчин и женщина. Я сразу достал папку с документами и стал просматривать письма. А следующее, что помню – как я приближаюсь к земле в самом странном состоянии духа, какое мне доводилось испытывать. Голова раскалывалась, всё вокруг казалось нереальным. Будто я спускался на какую–то чужую планету.

– То есть самолет шел на посадку?

– Да нет же. Я болтался на парашюте... Кстати, а где я вообще?

– В складском здании на Мансон-авеню.

– В Чикаго?

Берк кивнул.

– Так я и думал, – нахмурился Филипп. – Понимаете, я приземлился в поле, и не успел я освободиться от строп, как на меня набросилась целая банда – скрутили, завязали глаза. Я понял только, что меня долго везли на машине, но больше ничего не видел, пока они не сорвали с меня повязку, оставляя здесь.

– И все они были вам незнакомы?

– Да, те, кого я разглядел.

– Может, на сегодня хватит, Берк? – перебил Кин, и Квест уловил волну беспокойства, которая никак не выдавала себя в голосе изобретателя. – Пусть отдохнет, он наверняка вспомнит детали, которые сейчас вылетели из головы.

– Одну минуту, – кивнул детектив, снова поворачиваясь к Филиппу. – Вы можете придумать хоть какую-то разумную причину для этого нападения? Кому выгодно убрать вас на время с дороги?

Филипп испуганно вздрогнул. Затем вскочил на ноги и схватил брата за руку.

– Кин! – взмолился он. – Кин! Что произошло? Я знаю, знаю! Это всё Проектор!

– Воды! – взревел Кин, и Квест почувствовал панику, затопившую того изнутри, пока Клейсон пытался перекричать брата. – Принесите кто-нибудь воды! Ему плохо!

При этом он мертвой хваткой вцепился в руку Филиппа. В ту же секунду дикий взгляд Филиппа прояснился, краска сошла с его обмякшего лица, и он бессильно опустился на кушетку.

В этот мимолетный миг Квест хлынул в тело Филиппа и встретил его волю с яростным, торжествующим пылом. Ведь теперь в его распоряжении было тело, с помощью которого он мог сражаться со своим дьявольским Оператором.

С чувством презрения он смял сопротивление Филиппа, безжалостно отбросил его назад, подавил его слабо борющуюся волю. И когда Филипп уступил, Квест ощутил, как его собственная воля расширяется до нормальных пределов, с жадной алчностью завладевая чужой плотью и зажигая в его потухших глазах искру молодости.

Берк в изумлении уставился на калейдоскопическую быстроту, с которой менялось выражение лица спасенного. По лицу Филиппа продолжали пробегать странные тени и отсветы, пока Квест завершал свое вторжение, но всё реже и реже, что вскоре убедило Кина: его Проводник прочно закрепил за собой контроль.

Младший из помощников Берка замер как замороженный, разинув рот. Второй негромко обратился к начальнику:

– Накачали его, а?

– Да брось! – отозвался Берк, выходя из оцепенения. – Шок.

На самом деле схватка внутри Филиппа длилась меньше трех секунд. Она заняла бы еще меньше времени, если бы Квест выложился до конца. Но его ощущения при первом прорыве в это новое прибежище под натиском Клейсона были настолько жуткими и потусторонними, что на мгновение он просто потерялся от чуда происходящего. Поэтому на этот короткий срок Филипп смог дать отпор нахлынувшей чужой воле.

В следующую секунду Квест осознал это сопротивление. Подгоняемый своим Оператором, он должен был подавить Филиппа и усмирить его; но сострадание к сопернику и ненависть к Кину подняли в нем волну внезапного бунта. Ему хотелось послушаться хозяйской воли, отступить, вернуть Филиппу власть над собой. Но он мог только продвигаться вперед, против воли сокрушая разум Филиппа, несмотря на неопишемую муку и смятение в собственном. А затем, с ощущением, что он вдесятеро хуже самого бесчеловечного вурдалака, он полностью завладел чужим телом.

– Теперь я заберу его домой, – хладнокровно сказал Кин Берку. – Как видите, ему нужно хорошенько выспаться. Если я вам понадобится, я буду у себя на заводе.

Молодому разуму Проводника, привыкшему к легкости тренированного тела, чужая плоть, в которой он спускался по лестнице к лимузину, казалась на редкость тяжелой и неповоротливой.

– Я совсем измотан, Кин, – произнес он губами Филиппа, когда машина тронулась.

– Вздор! – фыркнул Кин. – Ты просто перепугался, только и всего. Как придешь домой – сразу в постель, спи до девяти вечера. В десять за тобой заедет человек по фамилии Нухарин – доктор Нухарин. Он отвезет тебя в гараж, оставит там машину, и вы пересядете в другую в нескольких кварталах оттуда. Там, у Марблтона, посреди поля на растяжках стоит самолет. Нухарин – отличный пилот. Он полетит на юго–восток вдоль берега озера к месту встречи. Вы должны быть там около половины первого ночи. Испытание назначено на час.

Квест слушал его в бессильной ярости. Лишенный возможности противиться своему Оператору, он мог лишь метаться в теле Филиппа, точно дикий зверь в железной клетке.

– Захвати с собой, – ядовито продолжал Кин, – те бумаги, что ты забрал из сейфа в моем кабинете. Второй комплект держи наготове: передашь его Нухарину завтра, когда он оценит результаты испытаний и даст отмашку Парижу выдать сто миллионов долларов наличными. Их должны доставить в твой офис в Лупе к трем часам дня.

Кровожадная алчность этого человека сводила Квеста с ума. Он попытался взбунтоваться; его воля извивалась почти физически, молотя эфир, словно раненая акула в океане. На долю секунды ему показалось, что он вот–вот разорвет путы, которыми опутал его дьявол–Оператор. Натиск его был столь неистов, что замурованная, подобная спящей споре воля Филиппа судорожно пробила сквозь тьму и примкнула к нему в этой безнадежной борьбе. Однако по тончайшим ментальным каналам, все еще приковывавшим Квеста к хозяйской воле, Кин уловил этот бунт. Его глаза метнули молнии, и он нанес ответный волевой удар, мгновенно парализовавший строптивого Проводника.

– Слушай меня, скулящий пес! – прорычал он. – Думай только о том, о чем я тебе велю, – и ни о чем больше! Ты извинишься перед доктором Нухариным за то, что раньше не хотел продавать Проектор. Скажешь ему, что во всем виноват я – упрямылся, мол, – но ты нашел способ заставить меня подчиниться. Понял?

Квест не нашел слов. Он лишь покорно кивнул головой Филиппа. В этот момент машина остановилась, и шофер распахнул дверцу.

Доктор Нухарин вел самолет на большой высоте, несмотря на плотные кучевые облака, из–за которых видимость то и дело падала до нуля. Ему оставалось лишь следовать вдоль кромки озера, и редких просветов в облаках, открывавших воду, хватало, чтобы не сбиться с курса.

На заднем сиденье скорчился Филипп, чье тело буквально сгибалось под тяжестью отчаяния Квеста. Уже несколько часов Квест пребывал в полузабытии, все еще надеясь как–то помешать этой чудовищной сделке, которая несла миру гибель; он думал, что сможет накопить силы, вырваться на волю и освободить Филиппа от власти бессовестного брата. Даже если из–за этого его собственный разум навсегда останется отрезанным от тела, он был готов без колебаний принести себя в жертву.

Внезапно рев мотора смолк, и Нухарин заложил вираж, пуская самолет по спирали вниз. Квест никогда прежде не летал, и этот долгий спуск в кромешную тьму ради дьявольского дела показался ему жутким, словно полет в преисподнюю в раскаленном снаряде.

Казалось, его разум шлейфом тянется за снижающимся самолетом, закручиваясь в гигантскую спираль космической туманности. Ему почудилось, будто он пересек некий космический меридиан и очутился в ином измерении, обратившись в газ, но сохранив способность

мыслить. Но даже там им владела одна–единственная мысль: Кин Клейсон – этот лжец, предатель и величайший преступник – должен быть уничтожен!

– "Я достану его! – поклялся Квест беззвучными, но от того не менее весомыми словами. – Из–под земли достану, на краю вселенной найду, но заставлю заплатить по счетам!"

Но вот колеса коснулись земли, и суровые, голые факты его участи обрушились на него с удвоенной силой. Он почувствовал близость своего Оператора за несколько секунд до того, как увидел его глазами Филиппа. Острая, как удар ножа, мысль пронзила его: сейчас придется говорить, играть роль, кривить душой и быть бездушным паяцем – как только пожелает Кин Клейсон. Беззвучный приказ незамедлительно примчался по каналам связи, и Квест подчинился ему, как автомат подчиняется нажатию кнопки.

– Ну что, доктор, – ухмыльнулся Филипп с коварной улыбкой, – вот вам и волшебная башня, всё как я обещал. Сейчас мигом её соберем. Это испытание будет настолько наглядным и убедительным, что даже у такого закоренелого скептика, как вы, не останется вопросов.

– Вы меня не так поняли, – обиженным тоном отозвался Нухарин. – Для меня эта процедура – лишь формальность, но формальность необходимая. Представьте, что я потрачу сто миллионов из казны своего правительства, а покупка окажется пустышкой? Сами понимаете, такая глупость дорого бы мне обошлась.

Кин Клейсон ждал их на платформе огромного грузовика, мотор которого работал на холостом ходу. Вся аппаратура была готова, оставалось лишь выдвинуть на полную высоту три телескопические секции вышки.

– Одно из главных достоинств нашего Проектора Смерти, – жизнерадостно сообщил Филипп доктору, пока Кин втихомолку лукаво улыбался, – в том, что эта крошечная динамо–машина дает весь необходимый для испытания ток. А энергию для радио мы берем прямо из воздуха с помощью волнового уловителя и мензуратора, которые изобрел мой головастый братец, – и он покровительственно похлопал Кина по спине.

– Да, ххм... доктор Нухарин, – робко подал голос Кин, и в этот миг Квеста захлестнула та бешеная, багровая ненависть, что толкает людей на убийство. – Филипп обещал мне, что вы будете использовать это устройство исключительно как угрозу, чтобы сдерживать амбиции великих держав.

– Конечно, конечно! – радушно заверил доктор. – Но давайте уже начнем испытание. Даже ночью я не слишком жалую подобные представления под открытым небом.

Высота вышки, когда они выдвинули верхние секции, составила сорок футов. Тщательно проверив все соединения – сначала Кин, затем Филипп, – старший брат повел Нухарина наверх, на платформу.

По мере приближения к кульминации заговора возбуждение Кина граничило с каталепсией, и отголоски этого состояния сумбурно долетали до Квеста по связующим каналам. С каким–то странным злорадством он почувствовал, что Кин страдает. Челюсти изобретателя свело судорогой, словно его кровь превратилась в жидкий кислород и заморозила его изнутри; он с трудом справлялся с движениями собственных рук.

О да, сейчас он боялся! На сей раз по–настоящему. Квест уловил этот импульс слишком отчетливо, чтобы сомневаться. Никакого притворства! Кин сомневался в собственном детище, страхась, что в решающий момент какая–нибудь деталь в тонко рассчитанном механизме откажет, лишив его кровавых денег, на которые он так рассчитывал. Наконец он заговорил, и даже Нухарин заметил дрожь в его голосе:

– Вот эти девять трубок, похожие на ружейные стволы, отлиты из кремниевой массы. Каждая испускает луч невидимого света и радиострелу абсолютно одинаковой длины волны. Разрушительный эффект зависит главным образом от этой идеальной синхронизации.

– У меня вопрос, – произнес доктор. – Смогут ли другие управлять машиной так же успешно, как вы?

– Она проста как дважды два, – залопотал Кин, едва совладав с голосом, – справится любой дурак. Неужели в вашей стране нет ученых, способных действовать по инструкции? Большого и не требуется.

– Ну что ж, – пожал плечами Нухарин. – Мне лишь важно знать, что в экстренной ситуации не возникнет непредвиденных сложностей.

– Видите этот дальномер? – продолжал Кин. – Резьба на вертикальном валу позволяет нам не только ограничивать дальность, направляя лучи в землю под углом, но её можно и отключить, чтобы вращать Проектор по горизонтали для ведения огня на предельное расстояние.

– А нет ли опасности, что машина выйдет из строя – уничтожит саму себя и нас заодно? – поинтересовался Нухарин.

– Ни малейшей, доктор. Здесь нет ни взрывчатых веществ, ни высокого напряжения. Пока мы стоим позади дула, нам бояться нечего. Смотрите. Я выставил микрометр на триста ярдов – этого как раз хватит, чтобы покрыть расстояние от нас до озера. Я прорублю для вас просеку – и каждый куст, каждая травинка, каждое насекомое на этом пути в мгновение ока обратятся в пепел. Разрушение будет полным.

– Прошу вас, приступайте, – хмуро бросил Нухарин.

Кин передвинул рычаг по пазу и зафиксировал его, когда пусковая батарея развернулась к озеру под нужным углом. Затем, занеся руку над вторым рычагом, он нажал электрическую кнопку.

На пульте управления внизу мигнула лампочка. Сигнал был излишним: Квест уже получил беззвучный приказ хозяйской воли. Ледяной ужас сковал его. Он обязан подчиниться мысленному приказу – у него не оставалось собственной воли для сопротивления. Испытание пройдет успешно, Проектор будет продан, мир превратится в бойню. И он, Оуэн Квест, станет разрушителем, убийцей, безвольным дураком, который сделал этот кошмар явью.

Всё это пронеслось в уме Проводника за долю секунды – за то мгновение, что потребовалось ему, чтобы протянуть руку Филиппа, замкнуть рубильник динамо–машины и включить мигающие лампы в кожухе над теллуровым фильтром.

Тягучие, нескончаемые пять секунд он ждал в буре бунта, который парализованная воля не позволяла претворить в действие. Затем внутри него вновь запульсировал приказ, сигнальная лампа вспыхнула, и он повторил все движения в обратном порядке.

Холодный пот градом катился по лицу Филиппа; Квест почувствовал, как лестница вибрирует под тяжестью спускающихся шагов. Как жаждал он получить силу, чтобы сбросить Кина Клейсона на землю и направить Проектор прямо на него! Но с чудовищной иронией хозяйская воля заставила его подняться на ноги и заговорить тоном, от которого в нем угасали последние капли самоуважения:

– Пойдемте, – торжествующе обратился Филипп к Нухарину, – и я докажу вам, что изобретения Клейсонов работают столь же убедительно, сколь заманчиво звучат.

С фонариком в руке он зашагал к озеру; Нухарин с братом шли следом. Двадцать шагов – и высокая луговая трава под их ногами внезапно исчезла.

– Глядите! – возбужденно прошептал Филипп, водя лучом из стороны в сторону, чтобы показать сорокафутовую просеку, уходившую вдаль. – Ни следа жизни, ни единой травинки – один только прах!

В ответ из горла Нухарина вырвался лишь глухой, булькающий звук.

– Смотрите! – заставила его произнести хозяйская воля губами Филиппа. – Здесь рос высокий куст. Что вы видите теперь? Горстку золы. При свете дня вы обнаружите, что даже корень выгорел на глубину в два фута.

– Довольно, – в ужасе прохрипел Нухарин. – Сделка совершена.

Его лицо исказилось от страха. Не говоря больше ни слова, он круто развернулся и побежал к своему самолету. Филипп дернулся было следом.

– Стоять, размазня! – прорычал Кин, к которому после успешного испытания вернулось былое самообладание. – Ты мне еще нужен, хоть ты и такой же трус, как наш славянский друг.

Трус! Это слово ужалило Квеста, словно раскаленное стрекало. Одна из тонких, невидимых нитей, державших его в подчинении у Кина Клейсона, лопнула, и его собственная воля взорвалась действием, подобно удару молнии. С поразительной ловкостью он развернул тело Филиппа, зажав фонарь в кулаке как дубинку. Но Кин оказался быстрее. Резкий удар по запястью выбил оружие. Затем Филипп отлетел назад от пинка в живот и, хватая руками воздух, рухнул без чувств в дорожную пыль.

Мощным усилием Квест заставил тело Филиппа сесть. Звонил телефон, и по натяжению волевых нитей Квест понял: на том конце провода Кин. Тело Филиппа уже отказывало под бременем той роли, которую его заставляли играть, а ночной удар ослабил его еще сильнее. Теперь он сидел, мучительно обхватив голову руками и раскачиваясь из стороны в сторону. Но Квест одной лишь силой воли поднял его на ноги, и тот, шатаясь, побрел через комнату.

– Алло, – прохрипел он в трубку.

– Живо дуй на завод, черт тебя дери! – рявкнул Кин, и грохот брошенной трубки лишь подчеркнул приказ.

Было около часа дня, когда Филипп лихо завернул на Олмстед-авеню. В три, размышлял Квест, пока седан мчался по мостовой, нужно быть в офисе в Лупе, чтобы передать бумаги и получить деньги.

И вот он уже лицом к лицу с Кином; голова идет кругом от ненависти, полыхающей в его обвиняющем взгляде.

– Решил обвести меня вокруг пальца?! – глухо зарычал Кин и с силой хлопнул ладонью по экстренному выпуску газеты, разложенному на столе. – Но вам это с рук не сойдет – ни одному, ни другому!

Смятение, надежда, ужас и изумление лишили Квеста дара речи. Но он с такой неожиданной яростью рванулся к столу, что Кин в испуге отпрянул. В следующую секунду он уже пожирал глазами кричащие заголовки. Три секунды – словно проявка кадра на фотобумаге, – и каждое слово сенсационной статьи в "Рекорд" выжгло в его памяти, будто кислотой:

НА ОЗЕРЕ ОБНАРУЖЕН ДРЕЙФУЮЩИЙ КАТЕР СМЕРТИ

Врач в растерянности от состояния пяти тел, найденных на борту

Предполагается связь трагедии с выжженной зоной на побережье

ТО–ХАРБОР, ИНДИАНА, 6 июня. – Пятеро чикагских спортсменов, большинство из которых занимали видное положение в обществе и бизнесе, погибли сегодня в предрассветные часы, возвращаясь на катере А. Гастона Эндрюса после загородного отдыха у косы Хук–Спит на мичиганском побережье.

На рассвете судно отбуксировал в порт озерный буксир "Мордехай" компании "Интерлейк" после того, как оно было обнаружено в дрейфе менее чем в миле от берега. По словам капитана Гоффа с "Мордехая", на злополучном катере не горели огни, и он едва избежал столкновения. Погода у побережья Индианы всю ночь оставалась идеальной, и ничто не указывало на то, что катер терпел бедствие. На телах погибших нет никаких следов насилия, и в городке повсюду множатся слухи – от двойного убийства и самоубийства до вмешательства потусторонних сил.

Доктор Дж. М. Аддис из То–Харбора, первым осмотревший тела, заявил, что погибшие подверглись какому-то мощному электрохимическому воздействию, природу которого на данный момент установить невозможно. Это заявление выглядит особенно важным в свете обнаружения на берегу обширной выжженной зоны прямо напротив места, где нашли дрейфую-

ющий катер. Местный фермер Йозеф Шлейхерт сообщает, что этот участок земли, тянувшийся от самого берега, за ночь полностью лишился растительности. Сам он винит в этом нашествие неизвестных вредителей. Другие утверждают, будто почва выглядит так, словно ее выжигали при температурах мусоросжигательной печи. От земли не осталось ничего, кроме синего порошка.

Филипп повернулся к брату; в его глазах застыла мука.

– Ты сделал меня убийцей! – выдавил Квест сквозь мучительные спазмы.

Но Кин оцетинился на него, точно бешеный пес:

– Это ты! Ты сам это сделал! Ты влез в Проектор. Ты пытался сорвать испытание. Ты изменил дальность. Ты хотел убить меня, а вместо этого угробил их! И ты заплатишь за это – вы оба заплатите! Слышишь? Вы за всё ответите!

Голос его сорвался на визг. Это был вопль слепого ужаса перед разоблачением, паники от мысли, что колоссальное состояние, которое было уже так близко, ускользнет из рук. Несчастный случай, разрушивший его безупречный план, окончательно выбил Кина из колеи.

Квест отчаянно пытался ответить ему, объяснить, что он, как Проводник, был полностью под его контролем, сказать, что будь у него воля противиться или обмануть его, он сдал бы его полиции или даже убил при первой же возможности. Но в своем безумии Кин так зажал волевые тиски, что Квест онемел. Он попробовал заменить слова жестами, но Филипп стоял как вкопанный, точно каменное изваяние; даже руки его не двигались.

Он мог бы оставаться в этом оцепенении сколько угодно, но страх Кина заставил того на мгновение отвлечься от происходящего вокруг. На миг он забыл о Квесте, о Филиппе – обо всем, кроме себя и своей ловушки. И стоило его бдительности ослабнуть, как поработанная воля Квеста ощутила прилив сил и надежды. Он понял, что может – сам, без указки своего Оператора – пошевелить рукой Филиппа, сделать неверный шаг.

Но что делать дальше? Как раздуть эту слабую искру воли, чтобы ее хватило на решительное сопротивление? Идея пришла мгновенно: если удастся увеличивать расстояние между собой и Кином, возможно, одним титаническим усилием он обрушится на чужую волю, застигнет ее врасплох, сомнет и поменяет их местами, сделав Кина Проводником, а себя – Оператором.

С нечеловеческим трудом Квест заставлял тело Филиппа шаг за шагом продвигаться по комнате. Нужно добраться до окна, подать кому-нибудь на улице сигнал бедствия.

Но Кин почуял неладное. Он двинулся следом – крадучись, по-тигриному изгибая тело. Мокрые губы обнажили зубы в хищном оскале, искаженное лицо превратилось в маску преисподней. По мере того как Оператор приближался к нему физически, Квест чувствовал, что его крохи сил стремительно тают. Кин медленно протянул костлявые пальцы и вцепился Проводнику в руку.

– Запомни! – прошипел он. – Если на эти смертоубийства выйдут наружу, ты сломаешься. Ты во всем признаешься, возьмешь вину на себя. Меня выгородишь полностью, представишь невинным младенцем. Опишешь, какими подлыми путями подчинил меня своей воле. Будешь молить лишь о скором суде и высшей мере. Понял?

Квест ничего не ответил, но слишком хорошо понял чудовищный замысел предателя. Каким же глупцом он был, когда надеялся, что Кин Клейсон вернет его в собственное тело! Филиппа – на электрический стул, Квест – бездомный дух, скитающийся в пустоте, а о теле на дне бака – короткое сожаление Департамента!

Внезапный нарастающий шум за окном всполошил их.

Две, три, четыре машины на бешеной скорости подлетели к тротуару и с визгом замерли, дымя тормозами. Из них посыпались люди и на бегу начали оцеплять завод. Кин метнулся к двери и повернул ключ в замке.

– Живее! – выплюнул он Филиппу, отпихивая ковер и распахивая люк.

Этот приказ гальванизировал Квеста. В два прыжка он перенес тело Филиппа на лестницу. Тяжелый удар сотряс дверь кабинета в то самое мгновение, когда Квест захлопнул за собой крышку люка. А затем, заразившись паникой Кина, он сломя голову помчался по коридору.

В подземной лаборатории ярко окрашенные кольца жидкости отражали лучи дуговой лампы. Сходя с ума от тревоги, Кин метался по черному выступу, точно как на раскаленной сковороде. Лицо его было серым, с перекошенных губ капала слюна, глаза превратились в два черных омута ужаса.

Квест снова ощутил то странное чувство, которое приходило, когда контроль ослабевал. Новая надежда вспыхнула в его истерзанном существе, когда в запертую дверь барокамеры забарабанили тяжелые удары. Волны страха катились по каналам связи, выдавая Квесту истинное состояние его Оператора. Что теперь сделает Кин? Что он вообще может сделать? Зачем он полез в этот тупик, в эту подземную нору?

Бух, бух! А затем раздалась серия резких хлопков. Там, снаружи, пытались отстрелить утопленные петли дверей.

Дверь пока держалась, но ярость штурма заставила колеблющегося Кина действовать. Одним прыжком он оказался на платформе. Молниеносным движением перевел рубильник на "плюс", запуская электролиз в баке. Затем нажал потайную кнопку под креплением рубильника, и панель в стене бесшумно отъехала в сторону, открывая узкий лаз.

В глазах у Квеста всё вспыхнуло багровым пламенем. Как он мог забыть, что у этого лиса наверняка припрятан запасной выход на случай опасности!

Но Оператор не дал ему времени на раздумья. Он заставил Квеста поднять глаза Филиппа и встретиться с ним взглядом. Не разрывая контакта своих сверкающих глаз, Кин прыгнул обратно на выступ. Квест принял беззвучный приказ:

– А ну марш на мостик! Прыгай в бак! Возвращайся в свое тело, а Филиппу оставь его! А потом вылезайте оба и оправдывайтесь как хотите. Меня – то уже здесь не будет, а ваши рассказы сочтут за бред сумасшедшего.

Квест сделал послушный шаг к платформе. Но в то же мгновение сокрушительный удар разнес дверь в щепки. Это окончательно подкосило Кина Клейсона. Охнув, он осел на ступени, скорчившись от боли и схватившись рукой за сердце. Раздался еще один удар, он вздрогнул и вскрикнул.

В ту же секунду Квест почувствовал, как его воля распрямляется. Внезапный сердечный приступ Кина ослабил контроль. Губы Филиппа мучительно задвигались, когда Квест заставил его замереть, не подчиняясь приказу. В судорожном волевом порыве он боролся, пытаясь вырваться из бесчисленных цепких щупалец своего Оператора. Мощными толчками оживающая воля Квеста билась о стены чужого тела. Теперь он стремился заставить это неповоротливое тело доползти до стены, чтобы открыть герметичный замок и впустить спасателей. Но тело Филиппа словно окостенело – каждый сустав, каждая мышца застыли как камень в этой буре, бушевавшей внутри него.

Прислонившись к стене, Кин медленно поднимался на ноги. Приступ отпускал его, и он снова обретал способность давить на своего непокорного Проводника.

– Сюда! – прохрипел он, понимая, что в одиночку ему не уйти, и судорожно меняя план. – Подними меня, быстро! Тащи меня отсюда! Задвинь панель. Мы уйдем вместе!

Устный приказ окончательно склонил чашу весов против Квеста. Его воля капитулировала перед хозяином. В то же мгновение тело Филиппа обмякло, словно избавившись от избыточного электрического напряжения. Внезапно вновь обретя силу и гибкость, он поднял дрожащего Кина и закинул его себе на плечо.

На мгновение штурм двери затих. Но теперь удары возобновились с такой яростью, что вся барокамера содрогнулась, а по разноцветным жидкостям в осмотическом баке побежала мелкая рябь.

– Быстрее! – прохрипел Кин. – Шевелись, кому говорю! Вытащи меня отсюда!

Но он уже терял сознание. Удар за ударом сотрясали комнату, и с каждым новым толчком воля Квеста крепла, позволяя ему противиться приказам своего Оператора. Внезапно его захлестнула волна тошноты, голова пошла кругом. Казалось, кровь Филиппа превратилась в кипящее масло. Ослепительный туман поглотил его, и вместе со странным ощущением невесомости и расширения границ разума он почувствовал, как его собственная воля вновь обретает былую полноту и мощь.

Грохот очередного удара, от которого дверь выгнулась внутрь, подействовал на него как сигнал к выходу для актера на сцене. Он взлетел на платформу. Из горла Кина вырвалось хриплое, клокочущее возражение. Но Квест не обращал внимания. Филипп уже шел по доске – прочь от открытой панели, прямо к баку.

Он быстро спустился по лестнице до самой нижней перекладины, железной, звериной хваткой вцепился в запястье Кина и швырнул его в чан.

Филипп остался висеть на лестнице, судорожно цепляясь за перекладины; силы оставили его, а тело колотило как в лихорадке.

– Лезь наверх! – раздался снизу чужой, нетерпеливый голос. – Ради всего святого, дай мне выбраться отсюда!

Филипп глянул вниз и с испуганным криком торопливо полез по ступеням – ведь там, в воде, показалась голова, обнаженные плечи и лицо человека, которого он никогда прежде не видел. Квест карабкался следом, быстро перебирая руками перекладины. Филипп без сил повалился ничком на мостик. Квест поднял его на ноги и тревожно затряс за плечи.

– Филипп! – взмолился он. – Филипп! Ты идти можешь?

Барабанный стук в искореженную дверь помог старшему брату прийти в себя.

– Быстро! – прошептал Квест, растирая плечи Филиппа. – У нас остался едва ли час. Езжай в офис. Сожги бумаги. Откажись от денег. Слышишь меня?

Филипп ошеломленно кивнул.

– Поторапливайся! – тяжело дыша, Квест протолкнул его в лаз, который Кин приготовил для собственного спасения, и задвинул панель на место.

Квест снова стал самим собой – молодым, сильным, свободным. Он мгновенно перевел рубильник электролиза на "минус". Кин так и не поднялся из бака, а поскольку он находился там один, он не мог выбраться, пока процесс электролиза не прекратится.

В тот самый момент, когда Квест спрыгнул с платформы, чтобы открыть герметичный замок, дверь с треском разлетелась, и в барокамеру ворвались трое мужчин с пистолетами наголо.

Старший группы замер с испуганным проклятием и недоверчиво захлопал глазами. Квест стоял неподвижно, как статуя, его обнаженное тело отливало неземной белизной на фоне матово-черной стены.

– Квест! – хором выдохнули все трое. А затем посыпался град вопросов: – Что стряслось? Что с тобой произошло? Где Клейсоны?

Квест повернулся к платформе, ожидая увидеть Кина.

– Что-то пошло не так! – крикнул он. – Скорее! Кто-нибудь, перехватите Филиппа. Он поехал в свой офис в Лупе. Кин Клейсон на дне этого бака. Я не знаю точно, как работает эта штукавина, но Филипп сможет его вытащить! Я уверен в этом!

Вопреки уверенности как Квеста, так и Филиппа Клейсона, осмотическая связь не вернула Кина к жизни, и в конце концов коронер распорядился забрать тело. Вскрытие показало, что причиной смерти стал порок сердца.

По причинам, которые лучше всего понимали в Вашингтоне, истинная причина гибели пяти человек на катере так и не была предана огласке. "Наказанием" же Квесту за его причастность к делу стали повышение по службе и теплое личное письмо от президента Соединенных Штатов.

1930 год

Возмездие

Сирил В. Тенч

– Полноте, Джон! – Я невольно замер на пороге своей уютной холостяцкой квартиры. Вспыхнувший от щелчка выключателя резкий свет выхватил из темноты человеческую фигуру, безжизненно осевшую в глубоком кресле.

– Да, сэр, это я, – старик поднялся, потирая глаза узловатыми пальцами. – Я ведь целый день вас прождал. Смотритель сказал, вы скоро будете, ну и впустил меня. Я, верно, заснул – оно и немудрено: всю прошлую ночь ни сна, ни отдыха, одно мытарство.

– Мытарство? Ни сна? – Я растерянно уставился на него, пытаюсь скрыть смутную тревогу: с чего бы это верному слуге моего друга, профессора Рокстона, дожидаться меня с самого утра?

Спешно сбросив пальто, я усадил старика обратно, сел напротив и попросил все объяснить.

– Профессор, сэр, – старик преданно и тревожно заглянул мне в глаза из-под густой сети морщин. – Он и раньше частенько посылал меня к вам с поручениями, да только сегодня я сам пришел. Потому как, сэр, – он перехватил мой вопросительный взгляд, – со вчерашнего вечера я его в глаза не видел.

– Как... – начал было я.

– Вот именно, сэр, – Джон перебил меня на полуслове. – Мы с женой уже двадцать лет ходим за профессором в Грейндже. И за все эти годы он ни разу не оставался на ночь вне дома. Если надо в город – всегда предупредит. Чаще-то я сам его возил на нашей старушке-машине. Да только выезжал он редко, сэр, профессору Рокстону за пределами усадьбы и дела-то не было.

– Но, Джон, – возразил я, – неужели только поэтому вы так всполошились? Мало ли, вызвали по срочному делу, или просто решил прогуляться, прокатиться в одиночку.

– Нет, сэр. Вы уж меня простите, но тут вы неправы. Профессор от своих привычек никогда не отступал. Уехать и мне не сказать – быть того не может. Вспомните сами, сэр, вы ведь его не хуже моего знаете. Даже лучше, вы ему друг, а я всего лишь слуга. Хотя, – старик горделиво выпрямился, – он всегда обходился со мной по-дружески.

– Продолжайте, – поторопил я, видя, что ему еще есть что сказать.

– Так вот, сэр, вы давеча спросили, с чего это я так убиваюсь. Причина есть, сэр. Вы же знаете, профессор больше двадцати лет живет затворником. Ну, как этот... как его...

– Отшельник, – подсказал я.

– Вот-вот, сэр. Из Грейнджа – ни ногой без крайней надобности. Весь ушел в какую-то чудную штуковину, что изобретал у себя. За все годы, сэр, вы были единственным гостем, кого он пускал в лабораторию или оставлял погостить на день-другой. То есть... до третьего дня так было.

– Рассказывайте же, – снова взмолился я, чувствуя, как его волнение передается и мне.

– Наш Грейндж, сэр, сами знаете – пятнадцать миль от города, в самой глуши, от дороги скрыт, мало кто о нем и ведает. Если забредут чужаки в усадьбу, я их живо выставляю. А тут три дня назад подкатывает к самому крыльцу незнакомец на роскошном авто. Говорит, мол, ищет дом в деревне, что бы купить. Я ему ответил, что Грейндж не продается, и повернул было обратно. Он уже разворачивал машину, как вдруг выходит хозяин. И – поверите ли, сэр? – берет и приглашает этого чужака в дом. А тот, я по лицу видел, так оторопел, будто профессора впервые в жизни узрел.

– И что потом? – спросил я, ощущая, как к горлу подступает нехорошее предчувствие.

– Чужак этот, сэр – мистером Лейтомом назвался, – так и остался. Вчера вечером они с хозяином сидели в кабинете. А сегодня утром – ни того, ни другого.

– Но помилуйте, Джон! – Я вскочил, охваченный внезапным страхом. – К чему вы клоните? Профессор и мистер Лейтом могли просто уехать куда–нибудь ночью.

– Обе машины, сэр, в гараже, – отрезал слуга. – Я сам каждый вечер запираю в доме все двери на затворы. Утром все было нетронуто. Мы с женой весь дом обшарили, от подвала до чердака, весь сад обошли. Ни следа хозяина, ни следа гостя.

– Вы хотите сказать, – я в упор посмотрел на него, – что двое взрослых мужчин растворились в воздухе? Нелепость какая–то, Джон, абсурд!

Я принялся мерить шагами комнату, лихорадочно соображая; старик провожал меня тревожным взглядом. Я криво усмехнулся. Чертовщина какая–то. Старик Джон просто заплесневел в этой глуши, вдали от людей, вот и лезет в голову всякая чертовщина. С другой стороны, приходилось признать: сама атмосфера Грейнджа, насквозь пропитанная опасными научными изысканиями моего приятеля, как нельзя лучше располагала к рождению мрачных предчувствий в темных умах. Надо немедленно ехать туда. Наверняка профессор жив–здоров. Телефона у него отродясь не было, так что придется растряссти кости за рулем.

– Джон, – я остановился и ободряюще хлопнул его по плечу. – Мы сейчас же едем в Грейндж. – Его лицо просветлело от облегчения. – Наверняка, – продолжал я, натягивая пальто, – мы застанем профессора и его гостя за мирной беседой. Да и вам пора вернуться к жене и перекусить.

– Дай–то Бог, сэр, если вы правы, – выдохнул он.

Мы вышли на улицу и сели в мою машину.

Как я ни пытался отогнать страхи, как ни старался шутками расшевелить Джона, в тот вечер я гнал так, как не ездил ни до, ни после. Едва ли прошло пятнадцать минут, как мой родстер замер у короткой каменной лестницы, ведущей к главному входу в Грейндж. Не успели мы выйти, как дверь распахнулась настежь, и к нам бросилась насмерть перепуганная женщина. Это была Мэри, жена Джона.

– Сэр! – Она вцепилась в мой рукав, преданно и испуганно заглядывая мне в лицо. – Слава Богу, вы приехали! В Грейндже смерть поселилась!

По спине у меня, помимо воли, пробежала волна холода. Аккуратно передав женщину в руки Джона, я зашагал вверх по ступеням.

У открытых дверей я замер. Старики дышали мне в затылок, а Мэри все причитала про смерть. Наказывать ее за это я не мог: просидеть целый день в одиночестве в огромном, мрачном, запутанном старом доме, гадая, почему мы с Джоном так долго не возвращаемся, – тут у кого угодно сдадут нервы.

А дом и впрямь был угрюмым. Сколько бы я ни гостил здесь по приглашению профессора, Грейндж всегда давил на меня своей серостью и унынием. Казалось, за этими стенами притаились мрачные тени давней трагедии, которая и заставила моего друга бежать в эту Богом забытую глушь и с головой уйти в научные эксперименты.

Даже сейчас, когда я всматривался в тускло освещенную прихожую, воздух казался заряженным чем–то зловещим – чувством, которое я не берусь описать словами.

Взяв себя в руки, я быстро пошел по коридору и рванул на себя дверь кабинета. Свет там горел на полную, и одного взгляда хватило, чтобы понять, что моего друга здесь нет. Я резко развернулся. Ужас, застывший в глазах слуг – честных, крепких людей, которых не так–то просто напугать, – мгновенно передался и мне. Вид этой комнаты – залитой ярким светом, с креслами, придвинутыми к давно потухшему камину, – заставил меня наконец поверить в то, что стряслась беда. Зря я мысленно ругал Джона за излишнюю панику.

Какое-то время я стоял неподвижно, пытаюсь скрыть ледяной озноб, пробирающий до костей, и соображая, что делать дальше. Решил обыскать дом до последнего угла. Если не найду ни профессора, ни его гостя – вызову полицию.

Со страхом, но покорно старики водили меня из комнаты в комнату, от чердака до подвала, пока не осталось единственное место – лаборатория. Перед закрытой дверью рабочей комнаты друга я замешкался на пару секунд. Не то чтобы я никогда не бывал в этом странном – на взгляд обывателя – месте. Профессор пускал меня туда много раз. Но сейчас мне было по-настоящему жутко от того, что я могу там обнаружить.

Собравшись с духом, я толкнул дверь. К моему вящему ужасу, она поддалась. При жизни профессор всегда запирал её на замок. Новый страх сковал меня, когда, распахнув дверь настежь, я зажмурился от яростного света мощных ламп. Кто-то оставил свет включенным!

Я стоял как вкопанный, не в силах пошевелиться, и по тяжелому, прерывистому дыханию за спиной понимал, что старики тоже смотрят туда во все глаза, онемев от ужаса. Чего мы боялись? Я не знал. Знал лишь, что атмосфера стала невыносимо гнетущей. В этой комнате произошло что-то непоправимое.

Дрожа от недоброго предчувствия, я заставил себя сделать несколько шагов вперед и снова огляделся. В дальнем конце огромной комнаты в лучах ламп ярко блестело нечто массивное. Я медленно пошел через зал, чтобы рассмотреть предмет поближе: это был стеклянный куб, похожий на огромную витрину, примерно восемь футов в ширину и семь в высоту. С механической покорностью человека, чей разум отказывается соображать, я обошел его кругом. Ни намек на дверь или шов. Это меня озадачило. Я слегка постучал пальцами по идеально гладкой поверхности. Раздался чистый, хрустальный звон.

Сквозь прозрачную стену я видел Джона и его жену. Они испуганно следили за мной, недоумевая, почему я медлю. Пока я смотрел на них, Джон вдруг тяжело заковылял к противоположной стороне куба. Рухнув на колени, он устался на пол. Затем поднял на меня умоляющий, дикий взгляд и указал пальцем вниз. Губы его беззвучно шевелились. Я перевел взгляд туда, куда он указывал, и у меня перехватило дыхание от того, что я увидел.

Почти в самом центре этой клетки, на полу, сделанном из того же хрустального вещества, что-то блестело. В лучах ламп этот предмет сверкал так ярко, что слепило глаза. Прижавшись лицом к холодной внешней грани сооружения, я содрогнулся, когда мой ошеломленный разум наконец осознал, что это за крошечная блестящая точка. Великолепный бриллиант. А профессор никогда не снимал своего кольца с бриллиантом!..

Вне себя от ужаса я бросился вокруг куба к месту, где все еще стоял на коленях Джон. Едва я поравнялся с ним, старик оцепенело дернул головой и прохрипел:

– Это бриллиант, сэр! Профессорский!

– Но как? – взмолился я. – Как он туда попал? Сюда же невозможно войти! Может, он работал здесь, и камень просто выпал из лапок кольца? Не мог же он обронить его уже после того, как клетку достроили!

– Это его бриллиант, сэр, – глухо, будто заупокойную молитву, повторил старик. – Я знаю, это он.

И тут меня обуял безотчетный, дикий страх. Я отшатнулся от этой сияющей коробки. Казалось, она глумилась надо мной – торжествуя, злорадно.

– Живее! – бросил я старикам. – Уходим отсюда! Немедленно! Назад! – Дважды просить их не пришлось. Я знал, что они чувствуют то же, что и я: эта лаборатория превратилась в склеп!

Пять минут спустя я уже гнал машину по узкой дороге в город. Опомнился только тогда, когда затормозил у полицейского участка. Должно быть, вид у меня был безумный, потому что к начальнику полиции меня впустили без промедления. За несколько минут я выложил ему

все. Он слушал с вежливым спокойствием, которое меня едва не взбесило. Откинувшись на спинку кресла, он вслух перебрал известные ему факты:

– Лет двадцать с лишним назад ваш друг, профессор Рокстон, женился. Он был так поглощен своим причудливым изобретением, что совсем забросил молодую жену. Она сбежала с другим. Тот ее бросил и скрылся. Профессор отыскал её много месяцев спустя, уже тяжело-больную. Вскоре она скончалась. Ваш друг пытался выследить того мерзавца, но безуспешно. Потрясенный и сломленный горем, он уединился в усадьбе под названием Грейндж.

Начальник полиции вдруг выпрямился в кресле и ткнул в меня толстым указательным пальцем:

– Как давно вы знаете профессора Рокстона?

– Около десяти лет, – ответил я.

– Что именно он пытался изобрести?

– Я не знаю, – вырвалось у меня.

– И при этом в других вопросах он вам полностью доверял?

– Да какое все это имеет отношение к поискам моего друга?! – взорвался я. – Возможно, сейчас каждая секунда на счету!

– Самое прямое. – Начальник смерил меня взглядом, который мне очень не понравился.

– Вашего друга слуги не видели почти сутки. Вы замечаете в лаборатории, в каком-то стеклянном ящике, предмет, похожий на его бриллиант, и прибегаете сюда в таком взвинченном состоянии, будто у вас на совести страшное преступление. Почему?

– Не могу знать. – Я неловко переступил с ноги на ногу под этим сверлящим взглядом.

– Сердце подсказывает... Я просто чувствую, что с моим другом стряслось что-то ужасное.

– Мы не руководствуемся чувствами, – начальник поднялся со стула. – Но сказанного вами достаточно, чтобы открыть дело. Вы покажете дорогу мне и двоим моим людям. Пожалуйста, подождите здесь, я сейчас. – сказал он и вышел.

Сидя в кабинете в ожидании его возвращения, я попытался рассудить здраво. В конце концов, может, полицейский и прав? Из-за того лишь, что профессор отлучился на несколько часов, а я увидел в лаборатории нечто, принятое мною за его бриллиант, я довел себя до настоящей горячки. Я едва не улыбнулся. В этом сугубо деловом кабинете вся история казалась сущим вздором. В конце концов, профессор не обязан отчитываться перед прислугой в своих отлучках.

Тяжелые шаги известили о возвращении начальника, и я поднялся. Через несколько минут в компании троих полицейских я уже снова мчался к Грейнджу.

Обратный путь мы проделали в полном молчании. Время от времени начальник бросал мне короткие вопросы, но ночной воздух уже охладил мой воспаленный мозг, и я отвечал осторожно. Он это понял: я всю дорогу чувствовал на себе его пристальный взгляд. Что крылось за этим широким лбом?

Наконец мы прибыли. Едва мы поднялись на крыльцо, Джон – его жена жалась позади него – распахнул дверь настежь. На мой немой вопрос он лишь отрицательно покачал головой:

– Ничего нового, сэр.

Начальник полиции пристально осмотрел старика и сухо велел вести нас в лабораторию. Джон попятился, его лицо побелело как полотно:

– Не могу, сэр, – пробормотал он.

Начальник повернулся ко мне. И хотя мне больше всего на свете хотелось последовать примеру Джона – ведь атмосфера дома вновь сковала меня непреодолимым ужасом, – я пошел вперед и отступил у самой двери, пропуская офицеров.

Начальник полиции неторопливо, оценивающим взглядом обвел каждый уголок каменного зала. Затем повернулся ко мне:

– И чего же здесь нужно бояться?

Я нерешительно указал на хрустальный куб. Начальник со своими людьми подошел к нему вплотную.

– И вы не знаете, как это открывается? – резко спросил он после беглого осмотра.

– Нет, – ответил я. – В мой прошлый приезд этого здесь не было.

– И когда это было?

– Месяца два–три назад. По роду службы мне приходится много путешествовать.

Офицеры снова повернулись к кубу, переговариваясь вполголоса. Наконец начальник опять повернулся ко мне:

– Вы заметили, что эта штука собрана из секций? Одна из них должна двигаться. Возможно... – Он осекся, заметив провода и кабели, которые тянулись по полу из–под клетки к распределительному щитку на стене. – Возможно, – повторил он, – управление идет оттуда.

Он подошел к щитку, несколько секунд задумчиво разглядывал блестящие рычаги и слегка сдвинул один из них. Результат превзошел все ожидания. Мы вчетвером уставились на куб, не веря собственным глазам: медленно, без единого звука, одна из секций стены ушла внутрь, словно скользя по невидимым пазам на полу и потолке.

– Думаю, на сегодня хватит, – с этими словами начальник отступил от щитка – как мне показалось, несколько испуганно – и подошел к клетке. Поколебавшись мгновение, он шагнул внутрь и вышел, держа в руке сверкающий камень.

– Это профессора! – выдавил я, протискиваясь к нему.

– Откуда такая уверенность? – отрезал он. – Все неоправленные камни на один лик.

– Я просто знаю, – только и смог пролепетать я.

– "Просто знаете"... – Начальник присел на табурет и испытующе посмотрел на меня.

– Мистер Торнтон, когда я отправлялся с вами сюда, я думал, что мы либо ищем вчерашний день, либо вы просто решили облегчить душу и во всем сознаться. Вид у вас был точь–в–точь как у человека, который либо совершил тяжкое преступление, либо отходит после жестокого запоя. Теперь же я уверен, – он снова перевел взгляд на бриллиант, – что ваша история не плод белой горячки. А ну–ка! – Он резко поднялся и схватил меня за плечо. – Выкладывайте все!

Не отвечая, я вырвался. Краем глаза я заметил, что один из полицейских перекрыл дверь. В руке другого внезапно блеснул револьвер. Боже правый! Я в полном изумлении переводил взгляд с одного на другого. Я что, схожу с ума? Это какой–то кошмарный сон! Что я такого сказал, чтобы они заподозрили меня в жестоком убийстве?

– Сесть! – скомандовал начальник.

Механически нащупав табурет, я подчинился.

– Караулить, парни, и слушать внимательно, – приказал он людям, а затем снова повернулся ко мне: – Профессор Рокстон был богатым человеком, без родни и племени?

– Да.

– Вам известно содержание его завещания?

– Да. – Похолодев от ужаса, я почувствовал, как петля улики затягивается на моей шее.

– И что же там сказано?

– Этот дом и пожизненное содержание Джону с женой, – пояснил я. – Остальное состояние – мне.

– Гм! – Начальник пронзил меня взглядом. – И как ваши дела в последнее время? Были доходы?

Проклятый ищейка! Какое право он имеет устраивать мне допрос с пристрастием? Я почувствовал, как оцепенение и ужас медленно сменяются глухой яростью. Я огляделся. Дуло пистолета все еще смотрело на меня; человек у двери не шелохнулся. Увиливать от вопросов было бесполезно.

– Весь последний год, – ответил я, – дела шли из рук вон плохо. Профессор даже ссудил мне некоторую сумму.

– Гм! – опять это раздражающее, зловещее хмыканье.

Начальник развернулся на табурете и задумчиво уставился на хрустальный куб.

– И вы утверждаете, что не знаете, над каким изобретением работал профессор?

– Знаю только, в чем суть... – начал я.

– Ага! Так-то лучше. Что же вы молчали раньше? – Начальник подался вперед.

– Понимаете, – стал объяснять я, – все это кажется слишком неправдоподобным. Когда профессор рассказывал мне, как рухнула его семейная жизнь, он признался, что достиг тогда крайних пределов человеческого страдания. Он назвал это "абсолютным нулем".

– Вот как?

– Его эксперименты, – продолжил я, пытаясь скрыть дрожь, от которой кожа пошла пупырышками, – были направлены на то, чтобы воссоздать физическое состояние абсолютного нуля. Он говорил мне об этом много лет назад. Я уже почти позабыл его слова.

– И что же это такое – абсолютный ноль? – Начальник не сводил с меня глаз.

– Послушайте, – взмолился я, – поймите же, я такой же профан в этих делах, как и вы. По словам моего друга, абсолютный ноль веками оставался мечтой ученых. Когда-то в древности его смогли получить, но секрет был безвозвратно утерян.

– И все-таки, что это такое?

Будь он проклят! Мне хотелось ударить его – настолько ледяным и ровным был его тон. Я заставил себя продолжить, понимая, что с каждым словом сам себе вырываю могилу.

– Абсолютный ноль – это холод такой невероятной лютости, что он мгновенно уничтожает плоть, кости и ткани. Уничтожает, – мой голос сорвался на крик, – не оставляя вообще никаких следов!

Никаких следов!.. Мой взгляд против воли упал на руку начальника. Он разжал ладонь. Бриллиант на ней вспыхнул и заискрился, словно насмехаясь надо мной. Собрав остаток сил, я заговорил снова:

– Теперь я припоминаю все до единого слова. Однажды я приехал сюда и застал профессора в страшном смятении. Он рассказал, что с помощью электрического тока ему удалось получить этот абсолютный ноль, но он не может создать для него сосуд.

– Почему? – Эти глаза продолжали бурить меня насквозь.

– Потому что – поймите, это было много лет назад, – силу этого излучения было чертовски трудно обуздать. Помимо живой материи, этот холод превращал в ничто кирпич, известку, камень и железо. Было лишь одно вещество, которое он не мог стереть с лица земли – кристалл алмазной твердости.

– Теперь я все понял! – Я вскочил на ноги и мертвой хваткой вцепился в рукав начальника. – Теперь я понял, что он имел в виду! Безумец, какой же я был безумец! Почему я не догадался раньше? Вот это, – я резко повернулся к кубу, – это и есть возмездие! – Почти задыхаясь от возбуждения, я продолжал: – Мой друг говорил, что закон возмездия рано или поздно вознаградит его за трагедию юности. За абсолютный ноль страданий он получит истинный, физический абсолютный ноль! Начальник! – Я так и присел перед ним. – Неужели вы не понимаете? Это же воплощенная мечта моего друга. Это и есть абсолютный ноль!

– Гм. Гладко шьете, да не слишком убедительно. – От этих слов полицейского я так и осекся. – Это никак не объясняет, куда делся профессор. Да если бы и объясняло – куда делся этот мистер Лейтом? И не забывайте: вся эта адская машина запускается снаружи. А бриллиант мы нашли внутри. Впрочем, он мог положить его туда сам, чтобы проверить аппарат в действии, – заключил он.

– Ну конечно, именно так! – подхватил я. Но тут же пожалел о своих словах, заметив, как в глазах начальника снова блеснуло подозрение. И я вяло добавил: – И теперь он, должно быть, умчался куда-то в порыве триумфа, чтобы поделиться открытием с коллегами-учеными.

– И при этом не отпер ни одной двери и не взял свою машину? Так, что ли? Мистер Торнтон, – начальник поднялся и строго посмотрел на меня. – Вы же разумный человек, неужели вы сами не видите, что ваши объяснения шиты белыми нитками? Профессор исчез. Перед нами странный ящик, который, по вашим словам, служит сосудом для абсолютного нуля. Знаете вы это наверняка или просто строите догадки – еще нужно доказать. Но даже если и так: неужели вы думаете, что, доведя до совершенства такое великое изобретение, профессор покончил бы с собой?

– Напротив! – ахнул я. – Мой друг был человеком мягкого, доброго нрава, но невероятной душевной стойкости. Я уверен, что первым делом, исполнив мечту всей жизни, он известил бы меня – своего ближайшего друга.

– А он этого не сделал. – Каждое его слово звучало как приговор и заставляло меня огрызаться.

– Начальник, я достаточно знаком с законами, чтобы знать: прежде чем судить человека за убийство, нужно доказать сам факт убийства! – Я дико, злобно ухмыльнулся. – У вас должно быть тело жертвы, "corpus delicti"¹! Вперед! Ищите моего друга или то, что от него осталось, или снимайте свои обвинения! – И я снова зашелся нервным, безрадостным смехом.

Затем я уронил голову на руки. Я сам вызвал полицию, чтобы помочь профессору, а они лишь топтались на месте и задавали кучу дурацких вопросов. Этот ищейка практически обвинил меня в убийстве – грех, который, я знал, он не сможет доказать, но которого я все равно смертельно боялся. Из-за того, что я сам разболтал ему про запертые двери и нетронутые машины, он ограничил все поиски пределами дома.

Он прервал мои мысли:

– Мистер Торнтон, я возвращаюсь в город. Вы останетесь здесь под присмотром моих людей. Советую вам поспать, так как к некоторым следственным действиям я смогу приступить только утром. Один из моих людей обыщет дом и обойдет усадьбу, а второй побудет здесь, с вами.

Он отвернулся, шепнул что-то подчиненным и в сопровождении одного из них молча вышел из лаборатории. Я попытался было протестовать, двинулся за ним, но человек у дверей преградил мне путь. Молча, почти сурово он указал на узкую кушетку в углу комнаты. На миг я замешкался, чувствуя на себе его тяжелый взгляд.

Спать на кушетке моего покойного – а я был уверен, что он мертв – друга! Спать в этом жутком месте! Все мое существо сжималось от отвращения. Я снова посмотрел на конвоира. Лицо его было точно каменное. Должно быть, это очередная пытка. Обессиленный, измотанный до предела, я едва доволок ноги до кушетки.

Сколько бы я ни жил на свете, я никогда не забуду своего пробуждения. Человек в форме – начальник полиции – трясет меня за плечо. Двое других конвойных молча смотрят на меня. Я сел и ошалело огляделся. В окна бил яркий солнечный свет. Случайный луч упал на хрустальный куб. Я вздрогнул и отшатнулся. И как я только умудрился проспать без задних ног всю ночь?

– Мистер Торнтон, – глухо произнес начальник. – У меня для вас тяжелые известия. У меня есть неопровержимые доказательства того, что ваш друг мертв.

– Боже правый! – Воскликание само вырвалось у меня, когда воспоминания вчерашнего вечера хлынули лавиной. – Где? Быть того не может!

– Вот здесь. – Он сунул мне в руки пачку писем. – Вчера вы вели себя так странно, что заставили меня заподозрить неладное. К тому же вы упустили из виду несколько важных деталей. Вы ведь вернулись из поездки только вчера вечером?

Вчера вечером! Мне казалось, с тех пор прошли световые годы.

¹ Corpus delicti — это латинское выражение из общего права, которое переводится как "суть преступления".

– Вы оставили распоряжение пересылать вам почту, – продолжал его ровный, бесстрастный голос. – Эти письма, очевидно, шли за вами с опозданием на один день. Сегодня утром я забрал их из вашей квартиры. И взял на себя смелость распечатать. Прочтите вот это. – Он вытащил один листок.

Дрожащими пальцами я достал из конверта единственную страницу, покрытую строчками. Я сразу узнал почерк профессора. Я впился в текст глазами, и каждое слово огненным клеймом выжигалось в моем сознании:

"Дорогой Торнтон!

Пишу эти строки в предвидении скорого исхода. Я позабочусь о том, чтобы письмо было отправлено, когда мои замыслы исполнятся. Будет уже слишком поздно, мой дорогой друг, и ты – даже из самых лучших побуждений – не сумеешь мне помешать.

Ты, должно быть, помнишь, как много лет назад, полностью доверившись тебе, я говорил, что верю: закон возмездия рано или поздно вознаградит меня за бывшие утраты. Торнтон, старый друг, я верю, что во всех смыслах мой час пробил. Два дня назад я довел до совершенства аппарат абсолютного нуля. Но судьба преподнесла мне куда более щедрый дар!

Сегодня в мой дом постучался путник. И хотя он не узнал меня, я без труда разглядел прежние черты сквозь наносную маску прожитых лет. Называй это роком, называй как знаешь, но мой гость – тот самый человек, что когда-то растоптал мое счастье.

Под благовидным предлогом я задержу его здесь. Я заставлю его войти внутрь хрустальной клетки. Я уже перенастроил двойной пульт управления так, чтобы смертоносный ток уничтожил его, едва я запущу механизм изнутри куба.

Прошу тебя, уничтожь эту клетку. К тому времени, как ты развернешь это письмо, она уже принесет мне долгожданное возмездие.

Прощай, дорогой друг!

Твой Рокстон".

– Прошу прощения, мистер Торнтон, – начальник протянул мне руку, и я пожал ее с чувством, в котором смешались неизбывное горе и невиданное облегчение.

Мир лишился гения. Я потерял дорогого друга. Но он был прав. Это было возмездие.

1930 год

Танки

Мюррей Лейнстер

Всюду, даже внутри крошечного бетонного ДОТа, стоял неистребимый, прилипчивый запах газового тумана. Снаружи мир был наглухо стерт серой хмарью, которая лениво катилась по земле вместе с ветром. Звуки сквозь нее пробивались странно приглушенными – этот туман вообще крал любые звуки, – но где-то справа артиллерия настырно долбила чьи-то позиции фугасами, и доносился частый сухой треск, говоривший о том, что в бой вступили танки. Еще дальше вправо глухо рокотал пулемет. А в промежутках между этими звуками царила мертвая, торжественная тишина.

Сержант Коффи – потрёпанный до неприличия и с видом весьма далеким от уставного – развалился на одном из сидений для стрелков. С него ручьями стекала грязь, пока он лениво бубнил в полевой телефон. Капрал Уоллис, такой же грязный и еще более ободранный, с ювелирной точностью мастерил одну целую сигарету из четырех бережно сохраненных бычков. Оба служили в обычной пехоте. Ни у одного не было ни малейшего повода, а уж тем более права торчать на посту пулеметного расчета. Впрочем, судя по вопросам, сыпавшимся с другого конца телефонного провода, штабу сектора на этот факт было глубоко плевать – как и на то, что весь пулеметный расчет был мертв.

– Да говорю же вам, – процедил Коффи, растягивая слова, – кончились они... Ага, все до одного. Такие же мертвые, как и пять минут назад, когда я вам в первый раз звонил. Может, даже еще мертвее... Газ, вестимо. Не знаю я, какой... Ну да. В масках они.

Он замолчал, оценивающе поглядывая на самокрутку, которую колдовал капрал Уоллис. Штука выходила внушительная. Уоллис смотрел на свое творение с нежностью. Коффи зажал ладонью трубку и в упор уставился на товарища.

– Пит, дай затянуться, а? – заговорщически предложил он. – Я тебе позже подкину парочку бычков, честно.

Капрал кивнул и с истинно художественным трепетом прикурил. Он сделал осторожную затяжку, втянул дым с той благоговейной неспешностью, какая дается человеку, когда табака осталось на доньшке, а нового ждать неоткуда, и нехотя протянул сигарету сержанту.

Коффи с предвкушающим вздохом освободил легкие и припал к самокрутке. Огонек ярко вспыхнул. Кончик разгорался все сильнее, пока не раскалился добела; бумага с треском обугливалась, и полоска тления стремительно поползла к пальцам.

– Эй! – испуганно пискнул Уоллис.

Сержант Коффи царственным жестом отмахнулся, а его грудь раздалась так, что едва не треснули швы на мундире. Когда в легкие больше ничего не влезало, он перестал тянуть, величественно вернул Уоллису жалкий огарок – едва ли четверть от прежней роскоши – и принялся медленно, тонкими струйками выпускать дым, пока совсем всё не выдохнул.

– Когда времени в обрез, – дружелюбно заметил Коффи, – это самый быстрый способ накуриться.

Капрал Уоллис с тоской посмотрел на остаток сигареты.

– Ну и сволочь же ты, – мрачно резюмировал он, но все-таки затянулся тем, что осталось.

– Да, – внезапно рявкнул Коффи в трубку. – Я все еще тут, а они все еще мертвые... Послушайте, господин офицер, у меня под глазом бланш и живого места на теле нет. Да еще и маска треснула. Я вам вообще-то по доброте душевной звоню. Моя цель – сделать отсюда ноги в теплые края... Черт побери! У нас в армии что, больше воевать некому?... – Он осекся. Возмущение на его лице сменилось крайним изумлением. – Да... Так точно... Понял, лейтенант. Ладно, погляжу, что можно сделать. Ага... Вы уж присмотрите там, чтоб страховку мою выплатили, если что. Ну, бывайте.

Он угрюмо повесил трубку и повернулся к Уоллису.

– Придется поиграть в героев, – горько объявил сержант. – Будем сидеть в этом вонючем тумане и ждать, пока какой-нибудь танк не наедет и не размажет нас тонким слоем. На два мили фронта мы – единственный уцелевший пост прослушивания. Их этот новый газ выкосил всех остальных подчистую, они даже пикнуть не успели.

Он окинул взглядом скрюченные фигуры бывших хозяев ДОТа. На них была точно такая же форма, как на нем самом. Когда Коффи стянул противогаз с одного из бойцов, лицо того показалось ему на удивление умиротворенным.

– Паршивая война, – в сердцах сплюнул Коффи. – наших ребят накрыли с вертолета. Я солнца уже неделю не видел, а в кармане всего четыре бычка осталось. Счастье еще, что копить их догадался. – Он принялся деловито шарить по карманам покойника. – О, гляди-ка, у этого парня целых полкисета. Кстати, на проводе – то был лейтенант Мэдисон. Его из нашей роты пару месяцев назад перевели. Ему дали послушать мой голос, чтоб проверить, не шпион ли я какой. Он меня и признал.

Капрал Уоллис, высосав сигарету до последней микроскопической крошки, погасил ее пальцами и спрятал жалкие ошметки обратно в карман.

– И что нам делать? – спросил он, ревниво наблюдая, как Коффи делит обретенное сокровище на две хирургически равные кучки.

– Да ничего особенного, – съязвил Коффи. – Выяснить, как полег этот расчет, ну и всякое такое по мелочи. Половина передовой взлетела на воздух, авиация из-за этой хмари слепа как крот, а рассеять туман никто не решается. Лейтенант много говорить не стал, но умолял разузнать хоть что-нибудь, ради всего святого.

Уоллис с вожделием спрятал свою четверть кисета подальше.

– Пехоте всегда достаются одни объедки, – буркнул он. – Потом выберу минутку, скручу себе нормальную, жирную сигарету, как в мирное время, и выкурю целиком.

– А то как же, – отозвался Коффи. По старой привычке он осмотрел свой противогаз, перед тем как выйти наружу, но потом с презрением швырнул его в угол. – Противогазы, тоже мне! Толку от них как от козла молока. Пошли.

Уоллис двинулся следом за ним, выбираясь из круглого бетонного чрева ДОТа.

Серая пелена газового тумана плотно укрывала все вокруг. Ветер ощутимо дул, но хмарь стояла такая густая, что казалась неподвижной. Сюда, на самый край, полосы тумана добрались уже сплошной стеной – до дымовых генераторов было далеко. Сами эти генераторы были установлены в пятнадцати милях к северу: сотнями, тысячами они горели один за другим, повинаясь приказам химической службы. Они выбрасывали колоссальные объемы серого дыма длинными шлейфами, которые разносились ветром, сливались воедино и порождали такую завесу, перед которой блекли все жалкие потуги прошлой войны – той самой, что должна была "навсегда покончить с войнами".

Здесь, в пятнадцати милях от генераторов по направлению ветра, разглядеть что-то можно было лишь в радиусе футов пяти, не больше. На границе этого круга силуэты уже расплывались. В десяти футах любые предметы превращались в едва различимые тени, в пятнадцати – мир исчезал совсем, надежно спрятанный за серой стеной.

– Пошарь вокруг, – угрюмо бросил Коффи. – Может, наткнемся на неразорвавшийся снаряд, или на танковую колею, или еще на какую дрянь, которая этот газ сюда притащила.

Искать что-либо в этом молоке было затеей довольно нелепой. Уже в трех шагах друг от друга бойцы видели лишь смутные очертания. Но сетовать на туман им и в голову не приходило. Война, которую газетчики в тылу уже окрестили "Последней великой войной", вообще потоянно велась вслепую. Пехота не могла устоять против танков; танки не могли выжить под ураганным огнем артиллерии, наводящейся с самолетов (особенно когда сорок орудий дают

залп по первому же сигналу корректировщика). Но ни артиллерия, ни авиация не могли закрепить победу, которую им удавалось вырвать в редких случаях. В итоге генеральные штабы и Соединенных Штатов, и воюющей с ними державы – назовем ее Желтой империей – пришли к одному выводу: чтобы закрепить успех, нужны танки и пехота. Пехоту танки шелкают как орехи. Но сами танки можно спрятать от воздушных разведчиков за плотной дымовой завесой.

Так и появился этот газовый туман, который обе стороны использовали по самому последнему слову военной техники. И именно в этом тумане, потеряв свою часть и бесцельно бредя в сторону американского тыла, сержант Коффи и капрал Уоллис наткнулись на ДОТ с мертвым гарнизоном. На сорок миль в одну сторону и, пожалуй, на тридцать в другую эта удушливая взвесь прижималась к земле. Ветер, конечно, гнал ее вперед, но она была значительно тяжелее воздуха и неохотно отрывалась от почвы. Промышленность обеих стран работала на износ, выжимая последние соки, лишь бы снабдить свои армии этим смертоносным реагентом.

Толщина туманного одеяла нигде не была меньше ста футов – непроглядное облако мельчайших частиц, сквозь которое не мог пробиться ни один человеческий глаз, ни один объектив, какие бы хитрые светофильтры на него ни накручивали. И под этим бледно-серым матрасом тяжело ползли танки. Они неуклюже переваливались и грохотали, выполняя свои кровавые задачи. Слепые чудовища вглядывались в пустоту чуткими приборами, выслеживая друг друга по звуку, сшибались в яростных схватках на сверхкоротких дистанциях, а при встрече с вражеской пехотой изрыгали облака ядовитого газа, от которого не спасали никакие маски.

Впрочем, пехоты в этих полях почти не осталось. Ее держали здесь в основном ради того, чтобы вовремя докладывать о прорыве стальных монстров; окопы сделались бесполезными. Солдаты занимали беззащитные наблюдательные посты с полевыми телефонами, примитивными рациями или аппаратами проводной связи, чтобы успеть предупредить штаб до того, как их раздавят гусеницами. Они сидели в тесных ДОТах, вооруженные противотанковыми пушками, которые – в редких, исключительных случаях – успевали выпустить снаряд, целясь почти исключительно на слух, прежде чем многотонная машина превращала в лепешку и орудие, и расчет.

И вот теперь сержант Коффи и капрал Уоллис вслепую блуждали в этом молоке. Раньше здесь действовали две оборонительные линии наблюдателей. Боевой ценности в них было с гулькин нос, зато они уходили далеко вглубь и состояли из бесчисленного множества крошечных точек, где дежурили по два–три человека. Сводки с американских постов убеждали командование в том, что все вражеские танки находятся по ту сторону четко очерченной линии. Собственные танки, обмениваясь опознавательными сигналами, сновали туда–сюда между постами, выслеживая чужаков. Вражеские машины занимались точно такой же жуткой охотой на своей половине поля.

Но внезапно двухмильный отрезок американского фронта замолчал. Сотни телефонов на передовой линии, ближайшей к противнику, разом перестали отвечать. И пока Коффи и Уоллис кружили возле ДОТа, пытаясь понять, как погибли пулеметчики, начала стремительно гаснуть вторая линия наблюдения.

То один, то другой пост внезапно умолкал. С полдюжины наблюдателей замолчали прямо посреди фразы, разговаривая со штабами своих секторов. Провода при этом оставались целыми. Но за пятнадцать томительных, нервных минут еще сотня постов затихла и перестала отвечать на позывные. Штаб фронта требовал объяснений резким, деловым тоном – там понимали, что дело принимает скверный оборот. И тут, в разгар отчаянного доклада командира штаба второго сектора о том, что он делает всё возможное, тот внезапно осекся на полуслове. С этого мгновения и он больше не подавал признаков жизни.

Штаб передового сектора каким–то чудом избежал участи своих постов, но мог лишь развести руками: связь оборвалась мгновенно и без предупреждения. Американские танки,

патрулировавшие онемевший квадрат, докладывали, что противника не видно. Экипаж танка "G-81", наткнувшись на затихший ДОТ всего через десять минут после обрыва связи, вызвался провести разведку. Один из танкистов в противогазе выбрался наружу через боковой люк. Сразу после этого радиосвязь с "G-81" прервалась.

Вся картина боя как на ладони была видна в исполинском танке, переоборудованном под Главный штаб. Эта двадцатиметровая громадина укрывалась в тумане, окруженная выводком бронеходов поменьше; от каждого из них к приборам и аппаратам сухопутного левиафана тянулись толстые кабели. Дальше, скрытые хмарью, стояли сотни других машин – грозная боевая сила, замершая в безмолвном ожидании, готовая по первому сигналу броситься на защиту мозга армии.

Тактический планшет Главного штаба показывал сражение так, как его не смог бы увидеть ни один живой наблюдатель. Огромная штабная карта лежала под беспощадным белым светом мощной лампы. По ней ползали крошечные светящиеся точки, а разноцветные булавки отмечали положение ключевых объектов. Светящиеся огоньки обозначали американские танки – точно так же, как уже много лет движение составов отображалось на электрических табло в железнодорожных диспетчерских. Каждая светящаяся под картой лампочка соответствовала реальному танку, ползущему сквозь туман. Стоило машине сдвинуться с места, как одна лампочка гасла, а соседняя загоралась.

Генерал задумчиво следил за тем, как ползут огоньки, как загораются и гаснут разноцветные индикаторы, как твердая рука штабиста то и дело переставляет булавки. Сам военачальник почти не двигался и не произносил ни слова. Он казался гроссмейстером, полностью поглощенным шахматной партией, от исхода которой зависела судьба страны.

И он действительно был поглощен ею. Огромный планшет, залитый сверху резким светом и усеянный снизу созвездиями крошечных белых огоньков, ежесекундно отражал истинное положение дел. Белые точки – его собственные танки, каждый на своем месте. Синие вспышки – последние координаты машин противника. За спиной генерала стояли двое офицеров штаба, время от времени бросая короткие фразы в нагрудные микрофоны. Они отдавали приказы, направляя ближайшие американские патрули навстречу обнаруженному врагу.

Генерал вдруг протянул руку и очертил пальцами небольшой участок на карте. Пальцы у него были длинные, тонкие – пальцы художника.

– В этом секторе наши передовые посты молчат, – задумчиво произнес он. Слово "посты" выдавало в нем военного старой закалки, помнившего еще времена маневренной войны, которая теперь, по иронии судьбы, вернулась вновь. – Они вклинились на две мили...

– Танк, сэр, – доложил штабист с твердой рукой, вонзая черную булавку в указанный сектор. – Высадил бойца в противогазе для осмотра ДОТа. Больше на связь не выходит, на позывные не отвечает.

– Газ, – констатировал генерал, отмечая точку взглядом. – Их новый газ. Очевидно, он проникает сквозь маски или защитную мазь. Или сквозь то и другое сразу.

Он поднял глаза на шеренгу сидевших напротив офицеров. У каждого на голове были наушники, перед губами – микрофон, а на коленях лежал планшет с картой, где они сосредоточенно делали пометки и переставляли булавки.

– Капитан Харви, – обратился генерал к одному из них, – вы уверены, что эту мертвую зону не засыпали химическими снарядами?

– Так точно, генерал. Артиллерийский огонь противника был слишком слаб, чтобы вывести из строя столько постов, да и все зафиксированные разрывы пришлись на другие квадраты.

Офицер поднял взгляд, заметил, что генерал смотрит на другого, и снова уткнулся в карту, очерчивая районы, где авиаразведка засекла сквозь туман вспышки тяжелых орудий.

– Их авиация точно не сбрасывала бомбы?

Второй офицер оторвался от своего планшета:

- Сэр, наши держат этот сектор неба под полным контролем, и уже довольно давно.
- Значит, либо у них появился бесшумный танк, – задумчиво протянул генерал, – либо...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.